



МАРК ЛЕВИ

ОПРОКИНУТЫЙ
ГОРИЗОНТ

роман

Впервые на русском

Марк Леви

Опрокинутый горизонт

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Опрокинутый горизонт / М. Леви — «Азбука-Аттикус»,
2016

ISBN 978-5-389-12219-2

Три студента крупного американского университета, занимающиеся нейробиологией, находятся на пороге большого научного открытия. В самый разгар работы одного из них настигает неизлечимый недуг. Не желая смириться с судьбой, друзья решают воспользоваться своими научными достижениями и приступают к рискованному эксперименту, результат которого непредсказуем.

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-12219-2

© Леви М., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Хоуп	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марк Леви

Опрокинутый горизонт

Marc Levy
L'Horizon à l'envers

© Editions Robert Laffont / S. A., Paris, Versilio, Paris, 2016

© Фотографии: Photo12/Alamy; Jasmin Sander/Plainpicture

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
Издательство Иностранка ®

* * *

*Моим родителям,
сестре,
детям,
жене
и Сюзанне*

Нет ничего неотвратимее, чем невозможное.
Виктор Гюго

Хоуп

Вдали слышался вой сирены.

Джош глубоко дышал, прижимаясь лицом к стеклу. Его взгляд скользил по кирпичным фасадам квартала, где они с Хоуп поселились год назад. По пустой улице заметались синие и красные блики, озаряя комнату, перед дверью дома остановился маленький фургон.

На счету была каждая секунда.

– Джош, мне пора сделать... – слышался умоляющий голос Люка.

Обернуться и взглянуть в лицо любимой женщины было выше его сил.

– Джош, – прошептала Хоуп, когда ей в вену вошла игла, – не смотри, не нужно, нам с тобой всегда хватало молчания.

Джош подошел к кровати, наклонился к Хоуп и поцеловал ее. Она приоткрыла бескровные губы.

– Мне так повезло, что я познакомилась с тобой, Джош, – произнесла она с улыбкой и закрыла глаза.

В дверь постучали. Люк встал и впустил бригаду: двух санитаров с носилками и врача, который сразу бросился к изголовью Хоуп и стал мерить ей пульс. Потом, вытянув из чемоданчика ворох шнуров и электродов, он принялся прилаживать их к ее груди, запястьям и лодыжкам.

Взглянув на бумажную ленту с кардиограммой, врач подал знак санитарам. Они подставили носилки, подняли Хоуп и уложили ее на ледяной матрас.

– Надо торопиться, – сказал врач.

Джош смотрел, как уносят Хоуп. Он хотел ехать с ними, но Люк его удержал и, не выпуская его руку, подвел к окну.

– Ты действительно считаешь, что все получится? – спросил Джош еле слышно.

– За будущее не поручусь, – ответил Люк, – но сегодня вечером мы совершили невозможное.

Джош смотрел сверху на улицу. Санитары задвинули носилки в фургончик, следом за ними туда залез врач. Дверцы захлопнулись.

– Если этот доктор о чем-то догадался... Я никогда не смогу тебя отблагодарить.

– Это вы двое – ученики чародея, а у меня скромная роль. То небольшое, что я сделал, было ради нее.

– Ты сделал самое главное.

– Только если ее теория верна... Будущее покажет, так ли это.

1

– Почему ты вечно на себя наговариваешь? Поразительно, что такая девушка, как ты, настолько в себя не верит. Или это военная хитрость?

– При чем здесь хитрость? Только ты и мог сказать такую глупость!

– Может, ты просто напрашиваешься на комплименты?

– Ага, значит, я права! Если бы я была красавицей, тебе бы в голову не пришло, что я нуждаюсь в комплиментах.

– Ты меня достала, Хоуп. Самое неотразимое в тебе – твой ум. Таких странных девушек я еще не встречал.

– Когда парень называет девушку странной, обычно это означает, что она дурнушка.

– Как будто нельзя быть одновременно красивой и странной! Если бы я посмел такое утверждать, ты обвинила бы меня в сексизме и в мачизме.

– А еще в том, что ты законченный кретин. Ничего, у меня есть право так говорить. Эта Анита, как она тебе?

– Кто такая Анита?

– Не прикидывайся!

– Она была не со мной! Мы оказались на соседних местах, вот и обменялись мнениями о фильме.

– Какие мнения можно составить о фильме, сюжет которого сводится к погоне продолжительностью в час двадцать и к трогательным объятиям в конце?

– Ты мешаешь мне работать!

– Ты битый час таращишься на ту брюнетку, что сидит в дальнем конце читального зала. Хочешь, я тебе помогу? Попрошу у нее номер телефона, спрошу, не замужем ли она, скажу, что мой приятель мечтает сводить ее на архаусный фильм. «Великая красота» Паоло Соррентино, шедевр Висконти, старая лента Фрэнка Капры... что ты выберешь?

– Я правда работаю, Хоуп, и не моя вина в том, что эта девушка попадает в поле моего зрения, когда я думаю.

– Тут я с тобой согласна: когда человека настигает любовь, глупо винить в этом попутный ветер. Кстати, о чем ты думаешь?

– О нейромедиаторах.

– А, о всяких норадреналинах, серотонинах, допаминах... – принялась насмешливо перечислять Хоуп.

– Помолчи немного и послушай меня. Уже признано, что они способны мобилизовать мозг на определенные действия, усиливать внимание, память, влиять на циклы нашего сна, на наше пищевое и сексуальное поведение... Например, мелатонин играет важнейшую роль в возникновении зимней депрессии.

– Лучше подскажи, какой нейромедиатор вызывает летнюю депрессию в тот момент, когда надеваешь купальник. Я сразу же выдвину тебя на Нобелевку!

– Что, если молекулы действуют двояко? Предположим, нейромедиаторы накапливают информацию о том, как они воздействуют на нас в течение жизни. Представь, а вдруг они играют роль частиц живой памяти и накапливают все наши достижения, формируя и меняя наш характер? Никто не знает, где именно в мозгу гнездится наше самосознание – то, что превращает каждого из нас в уникальное существо. А теперь предположим, что нейромедиаторы, совсем как сеть информационных серверов, тоже образуют сеть, а она и есть человеческая личность!

– Блестяще! Даже гениально! Как же ты намерен это доказать?

– Зачем, по-твоему, я занимаюсь наукой о нейронах?

– Чтобы соблазнять девушек! Уверена, первый же профессор, которому ты поведаешь о своих революционных идеях, предложит тебе переквалифицироваться в юриста, филолога, в кого угодно, лишь бы ты больше не болтался среди его студентов!

– А вдруг я прав? Ты понимаешь, какие могут быть последствия?

– Если представить, что твою туманную теорию удастся обосновать, а в один прекрасный день расшифровать содержащуюся в этих молекулах информацию, это обеспечит мгновенный доступ к человеческой памяти.

– И не только: еще можно будет ее переписывать и – почему нет? – воспроизводить человеческое сознание в компьютере.

– По-моему, кошмарная идея! Собственно, зачем ты со мной об этом толкуешь?

– Чтобы ты подключилась к моему проекту.

Хоуп расхохоталась так громко, что соседи по читальному залу укоризненно на нее покосились. Смех Хоуп всегда улучшал Джошу настроение. Даже когда она поднимала на смех его самого, что случалось нередко.

– Для начала угости меня ужином, – зашептала она. – Только чтобы никакой несъедобной дряни с доставкой на дом! Я про настоящий ресторан.

– Давай ненадолго отложим, а? Сейчас я на мели, но к концу недели ожидаются кое-какие поступления.

– От твоего отца?

– Нет, я подрабатываю репетитором, натаскиваю одного балбеса, родители которого воображают, что он в конце концов возьмется за ум.

– Ты злобный сноб. Ладно, я сама заплачу.

– На таких условиях я, так и быть, согласен пригласить тебя на ужин.

* * *

Джош и Хоуп познакомились на первом курсе. Дело было ранней осенью, Джош и Люк курили на краю лужайки не очень законную сигарету, одну на двоих, и делились своими любовными разочарованиями. В нескольких метрах от них, прислонившись к стволу вишни, сидела Хоуп и готовилась к занятиям.

Внезапно она громко и отчетливо осведомилась, кто это поблизости страдает неизлечимым недугом, оправдывающим применение на свежем воздухе психотропного средства.

Люк встал и попытался определить, кто говорит: преподаватель или студентка. Заметив озабоченно озиравшегося Люка, Хоуп помахала рукой и сдула со лба челку, упавшую ей на глаза. Люк был очарован.

– На вид ты вроде не болен. Получается, при смерти твой дружок, считающий звезды среди бела дня. Тут явно замешан ваш ямайский табачок, даже меня от него мутит.

– Хочешь с нами? – спросил Люк.

– Спасибо, но мне и так трудно сосредоточиться. Из-за вашей искрометной беседы на тему женского пола я уже полчаса перечитываю одну и ту же строчку. С ума сойти, сколько глупостей способы нагородить про женщин парни вашего возраста!

– Что такое интересное ты читаешь?

– Профессор Юджин Фердинанд Олгенбрук, «Врожденные нарушения центральной нервной системы».

– «Хорошенькая девушка, тоненькая и непринужденная, с головы до ног сотворенная для того, чтобы выжить...» Раймонд Карвер, «О чем мы говорим, когда говорим о любви». У каждого своя культовая книжка, верно? Не хочешь просветить нас насчет женского пола? Этот предмет загадочнее любых патологий коры головного мозга и куда более захватывающий.

Хоуп бросила беглый взгляд на Люка, захлопнула книгу и встала.

– Первый курс? – спросила она, подходя к нему.

Джош поднялся ей навстречу, она замолчала, уставившись на его протянутую руку. Удивившись, что она не намерена ее пожимать, он снова сел.

Люк заметил, как они друг на друга смотрят, заметил огонек в глазах у Хоуп. Незнакомка успела его околдовать, но он понял, что свой выбор она остановила не на нем.

Хоуп всегда отрицала, что сразу же почувствовала влечение к Джошу, но Люк не верил ни одному ее слову и всякий раз, когда всплывала эта тема, вспоминал, что последующие события подтвердили его догадку.

Джош тоже клялся, что в тот день не заметил в Хоуп ничего соблазнительного, и добавлял, что она – из тех девушек, чья красота раскрывается, только когда узнаешь их поближе. Хоуп так и не сумела заставить его признаться, комплимент это или насмешка.

Познакомившись, они с удовольствием провели вместе этот теплый вечер бабьего лета. Джош был неразговорчив, а потому на вопросы Хоуп вместо него отвечал Люк. Джош тихо злорадствовал, наблюдая, как его лучший друг лезет из кожи вон.

* * *

К середине осени Хоуп, Джош и Люк превратились в неразлучную троицу. После занятий они встречались на площади перед библиотекой, если позволяла погода, или в читальном зале, если было холодно или дождливо.

Из них троих Джош работал меньше всех, но получал самые высокие оценки. После каждого экзамена Люк, сравнив результаты, признавал, что Джош превосходит их обоих интеллектом. Хоуп была более сдержанна в оценках: у Джоша, конечно, блестящий ум, но слишком уж часто он пользуется своей способностью очаровывать, причем жертвами его становятся и преподаватели, и многочисленные особы женского пола. Единственное, что она признавала за ним, – это более развитое воображение, зато считала его слишком несовершенным.

Люк, по крайней мере, не позволял себе отвлекаться на любую семенящую впереди пару стройных ножек и, как она, был ориентирован на академический успех.

Однажды вечером в кафетерии – они штудировали конспекты – девушка за соседним столиком так нагло уставилась на Джоша, что он тоже стал коситься на нее. Хоуп, потеряв терпение, предложила ему не тянуть время, а просто отвести эту гусыню к себе в комнату и там ее поймать, вместо того чтобы изображать усердие, прикрывшись тетрадкой.

– Какая реплика! Сколько изящества! – огрызнулся Джош.

– Счет один-один, – подвел итог Люк. – Можно вопрос? Почему вы все время друг друга подкалываете? Пора бы заняться чем-нибудь еще.

Оба промолчали, и Люк добавил:

– Например, сходить куда-то вместе.

Тут оба впали в замешательство, о котором они потом долго вспоминали. Вскоре Хоуп удалилась, заявив, что ей нужно готовиться к экзаменам, а в компании таких двух кретинов, как они, это невозможно.

– Что на тебя нашло? – спросил Люка Джош.

– Устал смотреть, как вы ходите кругами, словно подростки. Надоело, правда.

– А я-то тут при чем? Кстати, между мной и Хоуп ничего нет, мы просто друзья.

– Ты гораздо глупее, чем кажешься. Или совсем слепой, раз не замечаешь очевидного. Джош пожал плечами и тоже ушел.

Вернувшись в квартиру-студию, которую они делили с Люком, он уселся перед ноутбуком и занялся непривычными для себя поисками. Перебрав все псевдонимы, которые пришли ему на ум, он был вынужден признать очевидное: Хоуп оказалась единственной из известных ему людей, не фигурировавшей в Сети. Такая скрытность его заинтриговала.

На следующий день он решил дождаться ее после занятий. Они долго бродили по дорожкам кампуса, однако ему так и не удалось заговорить с ней на эту тему. Хоуп водила его вокруг здания библиотеки, забавляясь тем, что Джош не замечает, как они раз за разом возвращаются в одну и ту же точку. Наконец она зашагала в сторону корпуса, где находилась ее комната, а он увязался за ней.

– Чего тебе, собственно, надо, Джош? – не вытерпела она.

– Составить тебе компанию.
– Ты отстал и хочешь, чтобы я помогла тебе с заданиями?
– Я никогда не отстаю.
– Как тебе это удастся, если ты постоянно куришь косячки? Научная загадка!
– Я концентрируюсь на главном и оптимизирую рабочий процесс.
– А мне кажется, тебе помогает целая армия лаборанточек.
– Хоуп, меня раздражает, что ты постоянно меня в чем-то обвиняешь. По-твоему, кто я такой?

– Человек исключительных способностей, но мне трудно это признать, а это самое обидное.

Джош так и не понял, сказала она это искренне или чтобы над ним посмеяться.

У входа в корпус Хоуп напомнила ему, что молодых людей туда не пускают. Единственный способ войти – нацепить парик.

Только теперь Джош осмелился задать вопрос, из-за которого сюда притащился.

– Откуда ты знаешь, что меня нет в социальных сетях? – ответила Хоуп вопросом на вопрос.

– Я ничего не нашел.

– Значит, ты искал!

Джош промолчал, что было равносильно утвердительному ответу.

– Так ничего и не скажешь? – не отставал он.

– Нет. Мне тоже любопытно, что подвигло тебя терять драгоценное время и выискивать сведения обо мне в Интернете. Не проще ли было бы спросить меня саму?

– Проще. Спрашиваю.

– Афишировать все, что делаешь, значит доказывать другим, что твоя жизнь лучше, чем у них. Моя жизнь – просто другая, это же моя жизнь, а не чья-нибудь еще, поэтому я поберегу ее для себя. Кстати, тебя тоже нет на фейсбуке.

– Правда? Откуда ты знаешь? – спросил Джош с той самой улыбкой, которая бесила Хоуп сильнее всего.

– Один-один, как сказал бы Люк, – признала она.

– Не люблю социальные сети, как и сети вообще, – процедил Джош. – И вообще, я одиночка.

– Чем ты намерен заняться после колледжа?

– Дрессировать слонов в цирке.

– Это тот самый ответ, который заставляет меня думать, что мы никогда не переспим, – заявила Хоуп, даже не подумав о том, как ужасно это прозвучало.

Джош, застигнутый врасплох, оторопел.

– Ты что, никогда об этом не думал? – не унималась Хоуп.

– Думал, но знал, что ты никогда непустишь к себе в постель дрессировщика слонов, поэтому ничего не предпринимал.

– Ничего не имею против слонов... Учти, ты стал бы очередным трофеем в моем списке охотничьих трофеев. – Она откровенно над ним издевалась. – А еще представь себе утро после. Слишком тяжело было бы объяснять тебе, что не следует питать иллюзий и надеяться, что у нас все всерьез. Так и вижу, как, сгорая от стыда, тайком ухожу на заре, пока ты спишь. Поверь, ты достоин кого-то гораздо лучшего, чем я, и...

– Вот каким ты меня считаешь? – не дал ей договорить Джош. – Вульгарным, развязным типом, так ведь?

– Вульгарным – ни в коем случае, развязным – безусловно.

Джош понуро удалился, а Хоуп спохватилась, что, кажется, переборщила. И бросилась за ним вдогонку.

– Посмотри мне в глаза и поклянись, что ты не такой.

– Ты вольна думать что хочешь.

Джош ускорил шаг, но Хоуп обогнала его и преградила ему дорогу.

– Дай мне поколдовать ночью в лаборатории – и я изготовлю снадобье, которое незаметно подмешаю завтра утром тебе в кофе.

– Как подействует это снадобье? – спросил Джош, пытавшийся справиться с обидой.

– Оно сотрет все твои воспоминания за последние сутки, а главное, все, что я наговорила, мои неуклюжие шуточки и... все мои недостатки. Но не беспокойся: как меня зовут, ты вспомнишь.

Она улыбнулась, и на щеках у нее появились две ямочки. Потрясенному Джошу они показались двумя скобками, в которые она отныне заключила всю его жизнь. На лице Хоуп появилось какое-то странное выражение. То ли такого раньше не было, то ли он его просто не замечал, но в тот момент он почувствовал, что теперь между ними все будет совсем не так, как раньше. Ни одна из прежних возлюбленных не сумела пробить его панцирь, но слова Хоуп в тот вечер поразили его в самое сердце.

Он поцеловал ее в щеку, тут же пожалел о своем порыве, который счел нелепостью, и с ужасом понял, что не может связать двух слов, чтобы пожелать ей приятного вечера.

– Хочешь, чтобы мы и дальше считали освещенные окна? – пришла ему на помощь Хоуп. – Я бы предложила звезды, знаю, ты их любишь, вот только сегодня облачно.

Хоуп сама удивлялась, почему ее все время тянет позлить Джоша. У нее тоже появилось ощущение, будто в воздухе витает смущение. Пришло время ослабить оборону. Отталивая Джоша, она могла окончательно его потерять. Держать глухую оборону было уже бесполезно, она влюбилась в него – напрасно это отрицать. Конечно, она не придавала сексу такого значения, как ее подруги, однако не могла не признать: после встречи с Джошем ей не очень-то хотелось – а если по правде, то вовсе не хотелось, – встречаться с другими мужчинами, и вряд ли это было простым совпадением. Неужели она так наивна, чтобы хранить верность тому, с кем у нее ничего нет? Что за безумная молекула побуждает мозг к такому самоограничению?

Джош в растерянности наблюдал за ней. Хоуп сгорала от желания позвать его к себе. В этот поздний час в холле общежития не было ни души. Подняться по лестнице, пройти по коридору до двери ее комнаты – ничего сложного при соблюдении некоторых предосторожностей. В худшем случае они столкнутся с какой-нибудь студенткой, причем вероятность, что та окажется образцом морали и решит донести на Хоуп, крайне мала. Ее соседки часто шли на такой риск, и она не раз их за этим заставляла. Все эти мысли пронеслись у нее в голове в один миг, но самым трудным было поведать о них Джошу, который пристально смотрел на нее. Разве трудно просто сказать: «Хочешь зайти на минутку и выпить глоток вина на прощанье?» Правда, в ее комнате нет ни спиртного, ни посуды, только стакан для чистки зубов. Таким же компрометирующим, хотя более правдивым, было бы предложение «продолжить разговор наверху». Она трижды пыталась заговорить, и каждый раз слова застревали в горле.

Джош все смотрел и смотрел на нее, время шло, и пора было переходить к делу... или не переходить. Она изобразила улыбку, еще более безмятежную, чем раньше, пожалала плечами и вошла в холл. Одна.

Джош впал в задумчивость, пытаясь оценить размер ущерба, нанесенного их дружбе, а также серьезность возникших у него мыслей о моногамии. Вторая проблема не на шутку его встревожила, и он дал себе слово до утра не делать окончательных выводов, да и никаких выводов вообще, если снова почувствует себя нормально, и уж точно никогда больше не смотреть на губы Хоуп.

* * *

Хоуп растянулась на кровати, уставилась в потолок, схватила один из учебников и стала его листать, не в силах сосредоточиться. В кои-то веки она пожалела, что у нее нет соседки по комнате и, чувствуя, что уснуть все равно не удастся, встала и отправилась в лабораторию.

Когда у нее случалась бессонница, она любила там работать. Студенческая лаборатория, огромное помещение с розовыми стенами – это цветовое решение казалось Хоуп загадочным, – располагала всем, о чем только мог мечтать студент. Микроскопы, центрифуги, холодильные шкафы, стерильные контейнеры и десятка три столов, на каждом из которых размещалась раковина с подставкой для химической посуды и стоял компьютер. Правда, чтобы туда попасть, надо было пройти по коридору, всегда вселявшему в нее страх. Она глубоко вздохнула и с мыслью, что могла бы провести остаток вечера с Джошем, если бы сумела выразить свои чувства, вышла из комнаты.

Короткий коридорчик вывел ее в холл. Поскольку ее экологические принципы велели ей экономить электроэнергию, она не стала включать свет и в потемках заторопилась в сторону лаборатории, напевая себе под нос для пущей смелости.

За дверью ее ждал сюрприз: в лаборатории сидел Люк. Он прильнул к микроскопу и как будто не услышал, что она вошла. Хоуп приблизилась к нему на цыпочках, решив напугать его до полусмерти.

– Не дури, Хоуп, – приглушенно прорычал он из-под защитной маски, закрывавшей почти все лицо. – У меня тут тонкие манипуляции.

– Что за манипуляции в такой поздний час? – спросила Хоуп, огорченная тем, что ее затея не удалась.

– Клетки в процессе разогрева.

– Что за работа?

– Какая может быть работа, когда ты меня отвлекаешь? Полагаю, если ты явилась сюда на ночь глядя, то тоже с целью поработать?

– Очаровательно! – ответила она, не двинувшись с места.

Люк оторвался от микроскопа, резко крутанул табурет и уставился на нее:

– Тебе чего, Хоуп?

– Как у Джоша с юмором? Я имею в виду: улыбка-то у него сногшибательная, а вот есть ли чувство юмора, неизвестно.

Люк окинул Хоуп суровым взглядом и снова приник к микроскопу.

– Могу, конечно, и со спиной твоей поговорить, – не сдавалась Хоуп, – но ты бы мог быть повежливее.

Люк послушно развернул табурет.

– Джош – мой лучший друг, а ты в нашей компании новенькая. Ты ошибаешься, если думаешь, что я стану обсуждать его с тобой в его отсутствие.

– Зачем греть клетки?

– Я правильно понял, что этот вопрос не связан с предыдущим?

– Я сочла эту тему исчерпанной и перешла к следующей.

– Хорошо. Это способ их разбудить.

– Раньше ты их усыплял?

– Да, методом охлаждения.

– Зачем?

Люк понял, что от нее просто так не избавиться. Он устал, работы у его оставалось еще на несколько часов. Порывшись в кармане, он достал две монеты по 25 центов и протянул Хоуп.

– В коридоре стоит кофейный автомат. Мне большой стакан, со сливками, с двойной порцией сахара. Себе возьми какой хочешь.

Хоуп весело смотрела на него, не вынимая рук из карманов.

– За кого ты меня принимаешь?

Он молча воззрился на нее.

– Постыдился бы! – бросила она и направилась к автомату.

Вернувшись, она поставила перед ним бумажный стакан.

– Так над чем ты тут трудишься?

– Сначала обещай, что не скажешь Джошу.

Хоуп обрадовалась: у них с Люком будет общая тайна, в которую они не посвятят Джоша. Она согласно закивала и приготовилась внимательно слушать.

– Слыхала про биостаз?

– Это что, зимняя спячка?

– Почти. Состояние, схожее с зимней спячкой, только более протяженное. Его еще называют «обратимая остановка жизни».

Хоуп взяла стул и села.

– Некоторые млекопитающие способны замедлять свой обмен веществ до состояния, близкого к смерти. Для этого они постепенно понижают температуру тела почти до нуля. При такой летаргии у животного резко снижается потребление кислорода, в сто раз сокращается сердечный ритм и скорость кровообращения. Сердцебиения почти не слышать. Для выживания организм вырабатывает сильные антикоагулянты, препятствующие образованию в крови сгустков. Клеточные процессы, можно сказать, останавливаются. Очаровательно, ты согласна? Задача в том, чтобы выяснить, обладают ли другие млекопитающие этой способностью, не умея ею пользоваться. Ты наверняка слышала о редчайших случаях, когда люди, угодившие в ледяную воду или заблудившиеся в горах и спасенные спустя продолжительное время, выживают без осложнений для нервной системы, несмотря на тяжелую и длительную гипотермию. Организм у них реагирует схожим образом – можно сказать, отключается для защиты жизненно важных органов, совсем как у тех животных, о которых я говорил.

– Хорошо, все это я знаю. но почему ты занимаешься биостазом?

– Не торопись. Теоретически – тут я настаиваю на слове «теоретически» – состояние биостаза может позволить организму застыть и законсервироваться на неопределенное время.

– Разве не так поступают уже теперь со сперматозоидами для экстракорпорального оплодотворения?

– Не только, еще и с эмбрионами на ранней стадии деления. Максимальное количество клеток при этом равняется восьми, но это единственные, так сказать, организмы, которые удастся таким способом законсервировать, а главное, при необходимости оживить. Сохранение – это одно, возвращение к жизни – совсем другое. Наука в своем нынешнем состоянии столкнулась с физической проблемой. При очень сильном понижении температуры внутри тканей образуются кристаллы льда, разрушающие или повреждающие клетки.

– Что ты, собственно, пытаешься доказать?

– Ничего, мне хватает изучения явления, это занятие меня очаровывает. Криогенизация находится на пересечении нескольких дисциплин: медицины, физики низких температур, химии. Самое трудное – найти человека, способного все это совмещать.

– И ты стремишься стать таким «совместителем», дирижировать всем этим оркестром?

- Может быть, когда-нибудь... Имеет человек право на мечту?
- Зачем скрывать это от Джоша?
- У меня есть на то свои причины. Ты дала мне слово и, надеюсь, сдержишь его.
- Откровенно говоря, я не вижу ничего удивительного в том, чтобы посвятить ночь наблюдению за замороженными клетками. Можешь на меня положиться, я не подведу.
- Люк, опять припав к микроскопу, пожал плечами.
- Брось! Ты принимаешь меня за фантазера. Не мешай работать.
- Хоуп внимательно за ним наблюдала. Здесь была какая-то странность, она не сомневалась, что Люк что-то скрывает не только от Джоша.
- Знаешь, почему я выбрала эту специализацию? – спросила она, немного помолчав.
- Не знаю и знать не хочу.
- Чтобы синтезировать молекулу, которая воспрепятствовала бы развитию нейродегенеративных заболеваний.
- Гляди-ка! Вздумала покуситься на болезнь Альцгеймера, не больше и не меньше?
- На Альцгеймера и на всю его родню. Как видишь, я тоже занимаю место в когорте великих фантазеров.
- Люк повернулся к Хоуп. От его пронизывающего взгляда ей стало не по себе.
- Когда-нибудь я тебе все объясню, но не сейчас. А пока оставь меня в покое. Раз ты сюда явилась, значит, у тебя тоже есть дела.

Почувствовав, что больше из Люка ничего не вытянуть, Хоуп отошла от него и села за другой стол.

В голове у нее беспорядочно роились мысли. Цепляясь за скудные знания, приобретенные на первом курсе, она силилась постичь, чем способна одарить медицину криогенизация. Однажды ей попала статья об некоем эпизоде, зафиксированном в приемном отделении больницы в Питтсбурге. Там раненых в критическом состоянии подвергли глубокой гипотермии, чтобы дать хирургам время заняться их травмами. Температуру тела понижали до 10 градусов, погружая организм в состояние на грани клинической смерти, а потом раненого приводили в чувство. На основе холода, рассуждала Хоуп, в будущем можно будет создавать новые методы лечения. Ей хотелось понять, что именно заставило Люка тайком от Джоша укрыться в лаборатории на всю ночь.

Когда она подняла голову, оказалось, что Люк так и не отлип от микроскопа.

– А нельзя применить холод как технику маркировки при борьбе с раковыми клетками? – спросила она. – Предположим, перед сеансом химиотерапии понижаем температуру тела. По логике вещей, злокачественные клетки в спящем состоянии более уязвимы.

– Как и доброкачественные, – отозвался Люк. – Выскажи это предположение завтра на занятии. Посмотрим, как отреагирует профессор.

– Держи карман шире! Сначала я сама обкатаю свою гениальную идею.

– Гениальность заключается в том, чтобы додуматься до чего-то раньше всех остальных, – бросил Люк безразличным тоном. – Если, прежде чем сделать очередное гениальное открытие, ты дашь себе труд воспользоваться серверами, которые факультет предоставляет в твоё полное распоряжение, то узнаешь, что уже несколько лет назад в небольшие опухоли стали вводить криозонды для снижения их температуры до минус сорока градусов. Внутри злокачественных клеток образуются кристаллы льда, взрывающиеся при нагреве. Просто поразительно, как далеко может уйти медицина за то время, что ты мешаешь мне работать.

– А вот грубить необязательно. Мне просто хотелось поболтать.

– Нет, ты докапываешься, чем я тут занимаюсь, а у меня нет на это ответа. Просто эксперименты, вот и все.

– Эксперименты какого рода?

– Такого рода, что мне, может быть, придется из-за них переходить на другой факультет. Потому я и тружусь ночью, потому и не хочу о них распространяться. Поняла?

– Поняла только, что теперь буду умирать от любопытства. Видимо, ты меня и вправду плохо знаешь. Ну, будешь говорить? Да или нет?

Люк перешел к ней за стол, взял ее за плечи и притянул к себе.

– Советую тебе хорошенько подумать. Если я поделюсь с тобой этой тайной, то ты волей-неволей станешь моей сообщницей.

– Уже подумала!

Но Люк вернулся на свое место, и Хоуп поняла, что сейчас больше ничего от него не добьется. Собрав свои вещи, она вышла из лаборатории. На сей раз она была слишком взбудоражена, чтобы бояться темного коридора.

У себя в комнате она опять растянулась на кровати и взяла смартфон, чтобы написать письмо. Прочитав написанное, она, поколебавшись, нажала на клавишу «отправить».

2

Зазвонил будильник. Джош открыл глаза, потянулся и нехотя вылез из кровати. Набрал в ладони холодной воды, потер щеки и, полюбовавшись в зеркале своей мятой физиономией, решил побриться под душем. Следовало применить все имеющиеся средства, чтобы выйти из сонного оцепенения.

После бритья он тщательно вытерся, посмотрел на часы и стал торопливо одеваться. Приближались экзамены, предстоял длинный день.

Он проверил, все ли собрано для занятий, заряжен ли телефон, в кармане ли часы, и выбежал из студии, захлопнув за собой дверь.

По пути он забрал из газетного ящика бесплатную университетскую газету и заторопился в кафетерий.

Устроившись за столом, чтобы позавтракать, он открыл в смартфоне свою почту. Взгляд сразу упал на единственное письмо, заслуживавшее прочтения на голодный желудок.

*«Дорогой Джош,
не буду ходить кругами. Часть моей мозговой коры подбивает сказать тебе: «Не обижайся за вчерашнее», а другая недоумевает, зачем я вообще тебе пишу.
Целую (в щеку, конечно).
Хоуп».*

Он боялся, что не сумеет написать такой ответ, чтобы она улыбнулась. Занятия были в разгаре, а он думал только об этом.

В ответ на вопрос Люка, почему он уже битый час таращится в потолок и что-то бормочет себе под нос, Джош ответил:

– Кажется, вчера вечером я нагородил Хоуп чепухи.

Только оказавшись вместе с ним в лаборатории, Люк задал второй вопрос:

– Ты рассказал ей о нашей работе?

– Нет, это здесь ни при чем. Я проводил ее до общежития, и у нас произошел странный разговор. Я думал, она пригласит меня к себе. Не знаю, как мне быть.

– Немудрено растеряться, когда у тебя целая толпа девушек!

– Хоуп не такая, и вообще хватит сказки рассказывать: романов у меня было всего ничего. Я ухаживаю за многими девушками, но не тащу их всех в постель.

– Это как посмотреть. Кому, как не мне, приходится потом выслушивать жалобы отвергнутых тобой красоток?

– В том-то и дело, что я их отвергаю! Скажешь, тебя это не устраивает? А кстати, где ты ночевал?

– Коротал ночь в лаборатории. Должен же кто-то заботиться о продвижении нашего проекта! Скажи честно, ты намерен все ей откровенно рассказать?

Джош сделал вид, будто обдумывает вопрос друга. Если бы он все решал сам, то давно уже уговорил бы Хоуп к ним присоединиться: ее помощь была бы неоценима. Но, зная Люка, он понимал, что спокойнее будет предоставить решение ему.

– Почему нет? Она умная, с воображением, пытливая и...

– Думаю, ты понимаешь, какие у вас с ней отношения, но предупреждаю: если мы все это ее посвятим, тебе придется забыть о своих чувствах. Нельзя допустить, чтобы из-за любовного разочарования она сошла с поезда на полпути. Если она согласится, то без всяких условий.

* * *

Целую неделю Хоуп не показывалась в лаборатории. Каждую свободную минуту она штудировала работы по криогенизации. Ей была свойственна состязательность: стоило Люку ее поманить – и она сразу решила освоить тему не хуже, чем он.

Что же до Джоша, то он напряженно размышлял о выдвинутом Люком условии ее приема в их команду. Оно представлялось ему достаточной причиной, чтобы ничего не менять в своей жизни, хотя это, как ни странно, совершенно его не устраивало.

В субботу, получив деньги за репетиторство, Джош попросил у Люка разрешения взять его машину.

– Куда ты собрался?

– Это как-то повлияет на твой ответ?

– Нет, просто интересно.

– Мне надо подышать воздухом, немного поколесить по сельской местности. Вечером вернусь.

– Поехали вместе, мне тоже не мешает развезаться.

– Мне хочется побыть одному.

– Собрался колесить по сельской местности в пиджаке и приличной рубашке? Можно узнать ее имя?

– Ты дашь мне ключи?

Люк достал из кармана брюк ключи и бросил ему.

– Заправиться не забудь!

Джош спустился по лестнице, сел за руль «Шевроле-Камаро» и только тогда позвонил Хоуп. Пригласив ее, он предложил встретиться у ворот кампуса, перед станцией метро «Вассар-стрит». Хоуп не соглашалась из принципа, отговариваясь необходимостью заниматься. Но Джош только сказал: «Через десять минут» – и нажал отбой.

– Ладно! – буркнула она и бросила телефон на кровать.

Она причесалась перед зеркалом, натянула свитер, поменяла его на другой, еще раз причесалась, сунула в сумочку телефон и выбежала из комнаты.

На месте свидания она дождалась, когда поток машин остановится на красный свет, и поискала взглядом Джоша на тротуаре напротив. Потом она заметила «Камаро», припаркованный во втором ряду, в нескольких метрах от перекрестка.

– В чем дело? – спросила она, сев в машину.

– Надо поговорить. Приглашаю тебя на ужин. В этот раз плачу я. Что предпочитаешь?

Хоуп гадала, что он задумал. Ей ужасно захотелось опустить щиток и посмотреть на себя в зеркальце, но она переборола себя.

– Итак?

– У меня карт-бланш?

– В пределах моих финансов.

– Как насчет устриц на морском берегу? Свози меня на Нантакет.

– Туда три часа пути, не считая парома. Придумай что-нибудь поближе.

– Что-то ничего не придумывается... Ладно, сойдет и пицца. Сэкономленные средства пойдут на бензин.

Взглянув на нее, Джош повернул ключ зажигания и тронулся с места.

– Нам надо было ехать на юг, а ты повернул на север, – заметила она, когда они выехали из города.

– Отсюда всего сорок пять минут до Салема: там будут и твои устрицы, и берег моря.

– Чудесно, пусть будет Салем. Ты мне расскажешь о ведьмах. Так о чем ты хотел со мной поговорить?

– В общем, тоже о колдовстве, только другого рода. Приедем на место, тогда и обсудим.

Джош включил кассету, край которой торчал из магнитолы под приемником, и повернул регулятор громкости.

Они переглянулись, словно заговорщики, услышав голоса Саймона и Ганфанкела: оказывается, их друг любил музыку шестидесятых. Хоуп снова и снова перематывала пленку и слушала «Mrs. Robinson»¹, подпевая во весь голос, и Джош подумал, что до Нантакета он бы так, пожалуй, не дотянул.

Вскоре на горизонте показался Салем. Джош знал там хороший рыбный ресторанчик в маленьком порту, в историческом центре. Собственно, само место заслуживало того, чтобы проделать неблизкий путь. Однако Хоуп хотела полакомиться морепродуктами и подышать морским воздухом, а достопримечательности ее вроде бы не интересовали. Он оставил машину на стоянке и повел ее в ресторан.

Очаровав даму-метрдотеля, он получил столик у окна.

– Сколько мы можем себе позволить? – шепотом спросила Хоуп, глядя в меню.

– Сколько хочешь.

– Так, чтобы потом не пришлось отрабатывать мытьем посуды.

– Дюжину.

Хоуп устремила взгляд на маленький аквариум с тремя омарами, клешни которых были стянуты резинками.

– Подожди, – сказала она, снова забирая у него меню, – у меня другая идея. Забудь про устриц.

– Разве не они были целью поездки?

– Нет, цель – услышать твое важное сообщение.

Она поймала за руку официанта, повела его к аквариуму, показала пальцем на самого мелкого из ракообразных и попросила подать его в пластиковом пакете. Джош не вмешивался.

– Не желаете, чтобы его сначала сварили? – осведомился официант, недаром работавший в городке ведьм: он воображал, что уже все повидал, но с такой причудой еще не сталкивался.

¹ Эта песня стала саундтреком фильма Майка Николса «Выпускник» с Дастином Хоффманом в главной роли и получила в 1968 году премию «Грэмми». (Прим. ред.)

– Нет, прямо так. И счет, пожалуйста.

Джош расплатился и последовал за Хоуп, которая, получив своего омара, торопливо зашагала к пристани, где покачивались на спокойной воде несколько лодочек с убранными парусами.

Там она плюхнулась животом на доски причала, опустила пакет в воду, снова вытаскивала, встала, обвела взглядом горизонт и воскликнула:

– Туда! Мыс на полуострове – это то, что надо!

– Можно узнать, что ты задумала, Хоуп?

Она, не отвечая, заторопилась вперед, и за ней потянулся тонкий мокрый след: из худого пакета подтекала вода.

Минут десять спустя она, запыхавшись, добежала до края пирса. Там она вынула из пакета омара и попросила Джона крепко его держать. Аккуратно сняв с клешней резинку, она заглянула в черные рачьи глазки.

– Ты встретишь омаршу своей мечты, вместе вы наплодите кучу маленьких омарчиков, и ты научишь их не попадаться в рыбачьи сети. Они тебя послушаются, потому что тебе удалось выжить. А когда состаришься, расскажи им, как некая Хоуп спасла тебе жизнь.

И она попросила Джоша забросить счастливого как можно дальше.

Описав впечатляющую дугу, омар исчез в водах Атлантики.

– У тебя явно не все дома! – воскликнул Джош, следя, как лопаются пузырьки на воде.

– В твоих устах это звучит как похвала. Устриц было уже не спасти, их успели вскрыть.

– Что ж, будем надеяться, что твоему избраннику повезет и он доберется до открытого океана. Не знаю, сколько времени он томился в неволе, в кандалах. Наверняка у него сильно затекли клешни.

– У него все получится, я уверена! У него был вид настоящего бойца.

– Поверю тебе на слово. Что же мы будем теперь есть?

– Сэндвич, если у тебя хватит денег.

Они побрели обратно по пляжу. Хоуп разулась и с наслаждением шлепала по мокрому песку.

– Что такого срочного ты намеревался мне сообщить? – спросила она на полпути.

Джош остановился и вздохнул.

– Просто я хотел поговорить с тобой раньше, чем Люк.

– О чем?

– Кто оплачивает твою учебу, Хоуп?

Надежда, что Джош привез ее сюда, чтобы поговорить о них, отхлынула стремительно, как океан во время отлива.

– Отец, – ответила она, скрывая разочарование.

– А мою – лаборатория, в форме займа. Обзаведясь дипломом, я должен буду все им возместить или десять лет на них вкалывать.

– А ты еще говорил про моего омара, что он слишком долго томился в кандалах!

– Не всем студентам могут помочь родители.

– Как ты поступил?

– По конкурсу. Нужно было предложить инновационную концепцию, пока что утопическую, но осуществимую в будущем.

– Какая странная затея!

– Большую часть технологических новшеств, кардинально изменивших наш образ жизни, еще тридцать лет назад сочли бы фантастичными. Это заставляет задуматься, разве нет?

– Возможно, смотря что тебя интересует. Люк тоже продал душу?

– Мы шли на конкурс вместе.

– И какой инновационный проект вы придумали?

– Составить цифровую карту всех мозговых связей.

– Ну конечно... И вы совершаете этот подвиг вдвоем, попутно занимаясь по общей программе. По-моему, тебе лучше отложить свое сенсационное заявление.

– Это очень серьезно. Мы работаем в составе огромной команды исследователей, на проект выделены крупные суммы. Нам с Люком удалось попасть в яблочко: они взяли нас к себе.

– Кто бы сомневался! Как вам удалось сделать такой меткий выстрел? – спросила Хоуп с сомнением и с ноткой зависти.

– Поклянись, что это останется между нами! Ни слова Люку! Если он сам с тобой об этом заговорит, обещаю разыграть удивление.

– Выкладывай! Я уже и так чувствую, что вы меня удивите.

Джош расплылся в широкой улыбке:

– В общем, все просто. Я гений!

Хоуп изумленно разинула рот:

– Ты такой скромный, что дух захватывает.

– И это тоже.

– Я все поняла. Ты считаешь, что я еще гениальнее тебя, вот и предлагаешь мне вкалывать вместе с вами!

– Вроде того. Ты умница, у тебя открытый ум, ты, как и мы, мечтаешь изменить мир.

– Допустим... Но, прежде чем ответить, я должна обсудить с вами, как вы намерены использовать свои результаты, когда получите что-то конкретное. Подозреваю, что ты вынашиваешь какой-то тайный замысел. Сперва ответь, почему тебе было так важно поговорить со мной об этом до Люка?

– Потому что он поставил условие приема тебя в команду.

– Какое?

– Чтобы между нами ничего не было.

Итак, на их любовной истории был заведомо поставлен крест. Хоуп испытала досаду, но одновременно ей льстило, что они остановили свой выбор на ней. Третьим ее чувством было раздражение.

– Не пойму, в чем проблема, ведь между нами ничего нет и не могло бы быть. И вообще, зачем он сует нос не в свое дело?

Джош шагнул к ней и обнял ее.

Хоуп никогда ни к кому не лезла с поцелуями, и первые ее поцелуи бывали по большей части неудачными, она встречала то вялые, то слишком резвые губы, но то, что получилось с Джошем, было... Она искала правильное слово, чтобы описать волну дрожи, пробежавшей по ее спине и разбившейся на бесчисленные брызги внизу затылка. Этот поцелуй был воплощением нежности. А именно нежность дарила ей величайшее счастье, поэтому это качество она ценила превыше всего, ибо оно обещало безупречное равновесие ума и чувств.

Джош смотрел на нее. Она мысленно умоляла его молчать, не портить словами опьянение первого поцелуя. Он прищурился – и стал совершенно неотразимым – и погладил ее по щеке.

– Ты по-настоящему красивая девушка, Хоуп. Ты так хороша, и ты единственная, кто не отдаст себе в этом отчета.

Хоуп решила, что еще немного – и она проснется, и окажется, что за окном дождливое воскресное утро, а она лежит у себя в комнате в старой мятой пижаме со страшного похмелья, с головной болью, от которой жить не хочется.

– Ущипни меня! – попросила она.

– Что?

– Умоляю, ущипни, потому что если я сама себя ущипну, то сделаю себе больно.

Они обнялись и опять принялись целоваться, иногда прерываясь, чтобы посмотреть друг на друга в безмолвии неизведанных прежде чувств.

Джош взял Хоуп за руку и повел обратно в порт.

Они зашли в пиццерию. Зал показался им тоскливым, и они решили съесть пиццу, сидя на низеньком парапете у мола.

После этого импровизированного обеда они отправились гулять по улицам старого города. Джош обнимал Хоуп за талию. Вдруг над ними зажглась вывеска одного из маленьких отелей, предлагавших ночлег и завтрак. Хоуп подняла глаза и приложила палец к губам Джоша.

– Не вздумай тайком смотаться с утра пораньше, оставив меня в Салеме одну.

– Если бы не экзамены через несколько недель и не опасность, что Люк меня прибудет за то, что я не отдал ему машину, я бы охотно предложил тебе пробыть здесь до тех пор, пока я тебе не надоем.

Хоуп толкнула дверь заведения и выбрала самый дешевый номер. Поднимаясь по лестнице на последний этаж, они чувствовали, как у обоих все быстрее бьется сердце.

Комната в мансарде оказалась довольно милой. Стены были оклеены приятными обоями со спокойным пасторальным рисунком, окошко выходило на пристань. Хоуп открыла его и хотела высунуться, чтобы подышать ночными запахами, но Джош ей не дал – начал ее раздевать. Получалось у него это довольно неуклюже, чему она даже обрадовалась.

Она стянула кофточку, оголив грудь, и жестом велела Джошу снять рубашку. Их джинсы полетели на стул, и они повалились в кровать.

– Подожди... – простонала она, сжав в ладонях его лицо.

Но Джош ждать не стал, и их тела слились на смятой простыне.

* * *

День проник в комнату, словно вор. Хоуп натянула на голову одеяло и украдкой глянула на Джоша. Он спал, закинув на нее руку. Открыв глаза, он подумал, что женщина с ним рядом – из тех, чей приход незаметен, чьи мысли вечно пытаешься угадать, о ком гадаешь, достаточно ли ты для них хорош. Из тех, рядом с которыми у мужчин появляется надежда стать лучше.

– Уже поздно?... – пролепетал он.

– Часов восемь. А пусть бы и полдень, не хочу брать телефон и смотреть время.

– Я тоже. Хотя мой телефон, наверное, забит посланиями от Люка.

– Будем считать, что время самое подходящее.

– Это должно было случиться, ведь я очень плохо на тебя влияю.

– Нечего важничать! Вдруг это я плохо на тебя влияю?

– У тебя лицо другое.

Хоуп повернулась и села на него верхом.

– В каком смысле другое?

– Не знаю... Оно светится.

– Ничего оно не светится, просто солнце его освещает и слепит глаза. Был бы ты более галантным, пошел бы и задернул шторы.

– Не хочу, этот свет тебе идет.

– Да, правда, мне хорошо. Только не вздумай воображать, будто это из-за того, что ты замечательный любовник. Ночь секса дается тому, кто готов отдаться.

– Раз я не замечательный любовник, чего же ты так светишься?

– Когда кто-то обнимает тебя во сне и улыбается тебе, открывая глаза, это как искра любви, от нее становишься счастливым. Без паники, я просто так это сказала, к слову пришлось.

– Меня твои слова не пугают. А теперь посмотрим, хватит ли тебе смелости ответить на вопрос: думаешь, ты могла бы когда-нибудь полюбить человека со всеми моими недостатками?

Хоуп посмотрела в зеркало над кроватью: в нем отражался стул с комком их джинсов.

– Как не полюбить спасителя омара?

– Получается, я не замечательный любовник?

– Может, и замечательный, но сейчас я тебе этого не скажу, не хочется видеть, как ты надуваешься от гордости, ты слишком избалован девицами с центром тяжести в области задницы.

Джош мрачно посмотрел на нее и зарылся лицом в подушку.

– Ты что, серьезно? – спросила Хоуп, взяв его за подбородок. – Не станешь же ты мне внушать, что сегодня ночью в меня влюбился?

– С таким умом – и такая дурочка? Поразительно!

– Не шути с такими вещами, Джош, у меня всего одно сердце, и мне не хочется, чтобы его растоптали.

– Думаешь, я бы заговорил с тобой о любви, если бы был неискренен?

– Понятия не имею.

– Ладно, замнем для ясности... Лучше мне помолчать. Давай одеваться, – сказал он, вылезая из кровати. – Пора ехать.

Хоуп схватила его за руку и опять подтащила к кровати.

– Что ты скажешь Люку, когда мы вернемся? Правду или что его машина сломалась?

– Мне кажется, ты боишься счастья, Хоуп. Возможно, тебе страшно, что ты только попробуешь его на вкус, а оно возьмет и утечет между пальцами. Но счастье невозможно без риска. Как ты поступаешь, когда тебе хочется получить удовольствие? Идешь в лабораторию или зубришь в библиотеке. Как работать с такой жаждой изменить мир в сердце и при этом довольствоваться монотонностью жизни? Если ты не готова сделать все, чтобы раздвинуть стены повседневности, может, ты просто не хочешь быть счастливой?

– Когда ты нервничаешь, то становишься неотразимо соблазнительным, Джош. Сказать мужчине, что он сексуальный, когда это правда, – вовсе не сексизм.

Хоуп жадно поцеловала Джоша, обняла его и, обвив ногами, соединилась с ним. Его движения были сначала медленными, потом все ускорялись, пока они оба не достигли наслаждения. Упав вместе с ним на подушки, Хоуп потихоньку отдышалась и проговорила:

– Твоя пылкая тирада о счастье трогательно наивна. У тебя абсолютно дикие представления о моей жизни, но при этом именно от тебя я услышала самое милое в моей жизни признание в любви.

Соскочив с постели, она подняла с пола свою футболку, прикрыла ею грудь в блестящих капельках пота, прижала джинсы к животу и, пятясь, скрылась в ванной, заперев дверь на задвижку.

– Советую сходить за газетой! – крикнула она через дверь. – Я буду принимать ванну, это надолго!

* * *

Они забыли про занятия, про звонки Люка, про то, что им не хватит денег до конца месяца. Они позволили себе долго валяться в постели, плотно пообедали и подарили друг

другу по футболке с названием города и рисунком – повешенной на дереве ведьмой. Купив для Люка стаканчик для карандашей в столь же дурном вкусе, они полакомились на дорожку вафлями и покатали обратно.

Заскучав в плотном транспортном потоке, Хоуп обратилась к Джошу с вопросом:

– Не расскажешь подробнее о вашем с Люком проекте?

– Месяц назад коллективу ученых удалось воссоздать на компьютере участок мозга крысы. Искусственный интеллект соединится с интеллектом этого мелкого млекопитающего, обогатится его когнитивными способностями, памятью, умениями, способностью принимать решения, приспособляемостью...

– Гениально! И что дальше? «Макинтош», способный поедать сыр грюйер?

Джош и бровью не повел.

– Это открывает широкое поле возможностей, – заявил он.

– Какова во всем этом ваша роль?

– Сейчас мы думаем о том, что будет на следующем этапе.

– Хотите искусственно воссоздать человеческий мозг? – спросила Хоуп с усмешкой.

– Это произойдет не завтра, но мы работаем примерно над этим. Или, если выражаться скромнее, вносим свою лепту.

– Кто, кроме вас, до такой степени свихнулся, чтобы вознамериться перенести в машину свою память?

– Все, кто мечтает о том или ином виде бессмертия... Представь, что мысль Эйнштейна не угасает с ним самим.

– Мы обязаны ему атомной бомбой. Тебе хочется, чтобы искусственный разум обладал его творческой гениальностью?

– Главное его достижение – теория относительности.

– Согласна, но какой из двух половинок его мозга решил бы воспользоваться искусственный разум?

– Речь не об этом! Человеку никуда не деться от того, что он смертен. Большинство религий обещают перерождение или воображают, что смерть – это освобождение души от тела. Человечество эволюционировало в условиях непрекращающейся борьбы с небытием, находя единственную отраду в поклонении умершим, в памяти о том, какими они были при жизни. Как принять скоротечность жизни, если нам суждено, умерев, полностью исчезнуть? Технологии рано или поздно предложат человеку возможность передавать память о его жизни не только через потомков, но и самостоятельно.

– Погоди... Цель вашего проекта – чтобы каждый из нас смог записать свою жизнь на жесткий диск?

– Нет, этим многие и так некоторым образом занимаются, публикуя все подробности своего бытия в социальных сетях. Я говорю о другом – о карте всех взаимосвязей в мозгу, подобно тому как другие в один прекрасный день придумали установить полную последовательность звеньев ДНК, хотя раньше это казалось невозможным. Когда мы наконец поймем, как действуют эти взаимосвязи, тогда появится возможность переноса нашей памяти, и не на цифровой носитель, который всегда будет только записью, сделанной в конкретный момент, а в сеть искусственных нейронов. Цель – создание настоящего клона нашего мозга.

– И в продолжении существования в твоей информационной сети без тела, то есть без удовольствий, без пищи и без секса? Вы с ума сошли!

– Прежде чем выносить приговор, попробуй поразмышлять, не замыкаясь в рамках, заданных наукой или нашим невежеством. Прошу тебя, дай свободу своему уму или побудь наивной, как ты сама это назвала, например как Жюль Верн, когда он сочинял «Из пушки на Луну», как Оруэлл, написавший «1984», как милые психи, предрекшие, что в один прекрас-

ный день мы станем путешествовать в космическом пространстве, как те, кто под насмешки остального научного сообщества предположил существование других вселенных помимо нашей или что можно будет пересаживать сердце, легкие, почки, оперировать зародыш в материнской утробе, исправляя врожденные пороки. Кто в прошлом веке мог подумать, что мы научимся синтезировать органы из стволовых клеток? Так почему не представить, что в будущем появится технология переноса сознания, обреченного на гибель дряхлеющим или больным организмом, в другой организм, хотя бы на то время, которое потребуется для лечения?

– Не знала, что ты так увлечен, меня это даже взволновало, но твои речи меня пугают.

– А тебя не шокирует, что наука позволяет нам жить с искусственными конечностями и органами? Почему не с мозгом, если он будет точной копией оригинала?

– Потому что, насколько мне известно, мы не думаем ни руками, ни ногами.

– Наше тело имеет отношение к тому, какие мы, к нашей личности. И потом, повторяю, речь не об этом. Я вот что пытаюсь тебе объяснить: не один я считаю, что в этом веке – ну, пусть в следующем – человек победит наконец и старение, и смерть.

– Что, если наша смерть на самом деле необходимое условие развития человечества, его выживания?

– Скажи это родителям неизлечимо больного ребенка. Если я правильно тебя понял, следовало бы отказаться от антибиотиков, хирургии, нейрологии, вообще от науки, так много сделавшей для увеличения продолжительности нашей жизни... Тогда уж лучше определить возраст, когда нам следует умирать, уступая место следующим поколениям.

Небоскребы поглотили свет уходящего дня. Они вернулись в город как после длительного путешествия, хотя отсутствовали совсем недолго.

– Никогда бы не подумал, что смогу снова это ощутить! – признался Джош, паркуя автомобиль.

Хоуп ждала продолжения, ей было любопытно, что он скажет дальше.

– Ты будешь спать в своей комнате, я в своей, но я все время буду вспоминать наш салецкий вечер. Не умею толком об этом говорить, но мне не нравится мысль, что эту ночь мы с тобой проведем врозь.

Хоуп не ответила, ее мысли витали далеко. Их приключение оказалось исполнением всех ее мечтаний, но от разговора на обратном пути у нее на душе остался какой-то мутный осадок. Она, гордившаяся своей открытостью, не могла безоговорочно согласиться с тем, что человек, которым она увлечена, занят поиском чего-то ей непонятного.

– А ты еще называла меня соблазнительным... Лучше мне заткнуться, – проворчал Джош.

– Я могла бы пойти ночевать к тебе, но, конечно, при условии, что ты избавишься от своего соседа. Кстати, что ты ему скажешь?

– Хочешь, чтобы я все от него скрыл?

– Насколько я поняла, его не радует, что мы с тобой встречаемся.

– Насколько понял я, наши с ним занятия тебя не воодушевили. Каким боком тогда его касаются наши отношения?

Хоуп чмокнула Джоша в щеку и ушла.

Он проводил ее взглядом. Когда она исчезла за дверью общежития, он, прежде чем тронуться с места, со злостью хлопнул ладонью по рулю.

3

Бросив ключи на столик и плюхнувшись на диван, Джош чистосердечно признался Люку, что не смог залить в бак бензина. Пришлось пообещать оставить в кухне тридцать долларов, когда они у него появятся, что было вообще-то очень щедро, учитывая, что они ездили не так уж далеко. Люк, лежавший на кровати, не отрывал глаз от книги.

Джош готовился к граду упреков, но никак не к безразличию друга. Включаться в эту игру он не собирался. Вооружившись куском купленной по пути и успевшей остыть пиццы, он взял наугад газету со столика.

– Сегодня вечером зальешь бак, – бросил Люк. – Я тебе не прислуга.

– Сегодня вечером?

– Представь себе, пока ты обрывал лепестки ромашкам, я тут вкалывал.

Джош понял, что в его отсутствие что-то стряслось.

– Ты получил результат? – спросил он, вскочив на ноги.

– Возможно...

– Да ладно, я отлучился всего на несколько часов!

– Тебя не было день, ночь и еще день. Мне пришлось всем заниматься самому.

– Ты просто претворял в жизнь мысль, которую подсказал тебе я.

– Если ты завершил интоксикацию своего организма этой отвратительной едой, то мы могли бы съездить в Центр, – сказал Люк, забирая остальную пиццу.

Прошло уже полчаса после их отъезда из кампуса, а Люк таки не вымолвил ни словечка. Съехав с шоссе, он стал кружить по пригородам.

В конце концов «Камаро» въехал на безлюдную улочку среди каких-то унылых складов. Подрулив к постройке с грязно-белой облицовкой, Люк замедлил ход, объехал ее и остановился перед раздвижными воротами, под забором, по верху которого змеилась колючая проволока. Он опустил стекло, достал из кармана пропуск и сунул его в прорезь считывающего устройства. Камера на шесте пришла в движение, после чего ворота разъехались.

Люк припарковал машину, и друзья подошли к тяжелой железной двери со сканером отпечатков пальцев. Они по очереди приложили к нему ладонь и через тамбур проникли в здание.

Так называемый Центр представлял собой частную лабораторию, собственность компании «Лонгвью», принадлежавшей, в свою очередь, некоей коммерческой структуре.

Там трудилось около сотни ученых на условиях почти полной независимости. Одна из особенностей Центра заключалась в разнообразии научных направлений. Здесь занимались нанотехнологиями, биотехнологиями, молекулярной биологией, информатикой, робототехникой, искусственным интеллектом, нейронами. Этим перечень направлений далеко не исчерпывался. Кроме общего вспомогательного персонала, обслуживавшего их всех, ученых объединяли еще два фактора. Во-первых, все они были моложе 30 лет, во-вторых, компания «Лонгвью» оплачивала им учебу в университете. Самой яркой отличительной чертой этого Центра был выбор только таких исследовательских проектов, которые любой другой научный центр признал бы утопиями, чистейшей фантазией. Философию людей, создавших и финансировавших «Лонгвью», исчерпывающе выражал лозунг, красовавшийся на стенах всех комнат отдыха: «Нет ничего неотвратимее, чем невозможное».

Джош с Люком, как и все остальные сотрудники Центра, никогда не видели своего работодателя, довольствуясь встречами с посредником, сообщившим им об одобрении их кандидатур, – профессором Флинчем. Он принял их в первый день и предложил подписать

согласие с регламентом, контракт о соблюдении конфиденциальности и договор о ссуде на учебу, предопределявший их будущее как минимум на десять лет.

Пока Джош следовал за Люком к их рабочему месту, все его мысли были только о Хоуп. Ему чудился ее шепот: «Люк тоже продал душу?»

Люк открыл шкаф-автоклав, содержимое которого сохранялось при постоянной температуре 37,2 градуса, и вынул оттуда несколько комплектов пробирок в решетчатых поддонах, чтобы дотянуться до спрятанной позади них склянки. Внутри склянки находилась пластина с 96 маленькими емкостями.

Положив перед собой пластину, он вооружился пипеткой, осторожно собрал содержимое дюжины ячеек и перенес его в равных количествах на пластинки. Готовые препараты он поместил на столик микроскопа, принял к окулярам, немного подстроил разрешение и уступил место Джошу.

– Полюбуйся сам.

Джош долго не отрывался от окуляров. Когда он наконец поднял голову, Люк сказал:

– Можешь смотреть сколько хочешь, я в твоё отсутствие только этим и занимался. Сто раз проверял – все до одной уникальны. Не будем обольщаться, мы делаем только первые шаги. Но ты не ошибся: как видишь, нервные волокна, взятые из мозга нашей крысы, сцепились на каждом кремниевом чипе и сами по себе образовали сеть.

– Вот это да! – От восторга Джош крепко стиснул Люка в объятиях. – Они активны?

– Их свойства мне пока что неизвестны, хотелось бы предоставить культуре несколько суток на развитие. А потом мы их испытаем и все увидим.

– Ты кому-нибудь об этом говорил? – осведомился Джош.

– Конечно нет, иначе зачем бы мне было тебе названивать?

– Значит, завтра, на еженедельном собрании? – спросил друга Джош, косясь на одну из камер, снимавших зал.

Совещательные комнаты, рабочие помещения и лаборатории были связаны внутренней сетью, благодаря чему каждый имел возможность обогащать свои знания и знакомиться с отчетами об опытах всех исследователей. Но никакой связи между оборудованием Центра и внешним миром не существовало. Каждый вторник вечером специальный комитет отбирал достижения, которые считал наиболее интересными, чтобы передать их для ознакомления всем остальным: они были обязаны немедленно все изучить.

«Ныне всякий научно-технический прогресс имеет коллективный, междисциплинарный характер, – объяснял профессор Флинч, единственный «начальник», перед которым полагалось отчитываться. – Возможно, для вас самих ваши открытия не будут представлять никакого интереса, зато они могут принести что-то существенное в работу кого-то из ваших коллег. В обмен на предоставленные вам средства и полную свободу воображения вы обязаны полностью забыть о вашем эго. «Лонгвью» – это команда, мы не изобретаем будущее, а исследуем его. Вам выпал исключительный шанс, за который вам надлежит расплачиваться величайшим смирением. Уклонившийся от соблюдения этого правила лишается места среди нас. Никогда этого не забывайте».

Джошу, замороженно взиравшему на красную лампочку камеры, казалось, будто эти слова опять звучат у него в ушах.

– Не надо паранойи, – сказал со вздохом Люк. – Не думаю, что фиксируются все наши действия, любой наш жест. К тому же мы ничего не скрываем, просто я хочу потратить больше времени на подтверждение, что мы действительно совершили научный подвиг. Лучше рискнуть, чем опозориться перед другими.

– Мы разъединили при помощи холода четыре тысячи нейронов, взятых из мозга крысы, сумели закрепить их на кремниевых микрочипах, а потом вернули их к жизни посредством исключительно тщательных циклов разогрева, обеспечили им питание, необходимое для пробуждения и для выживания, после чего эти нейроны сами по себе соединились между собой и стали взаимодействовать. И ты еще боишься показаться смешным?

– В соседней лаборатории, – зашептал Люк ему на ухо, – шестеро наших коллег воспроизвели эксперимент Сандро Муссы-Ивальди, но уже с помощью акустических зондов. Когда они транслируют определенные звуковые частоты, их маленький робот начинает двигаться, они заставляют его поворачиваться вправо и влево, пятиться. Единственный процессор их андроида – мозг амфибии в питательном растворе. Они объявят об этом завтра. Не хочу мериться с ними славой, вот и все.

– По-моему, ты совершенно не уверен в себе, и в этом твоя проблема. Ладно, поступим так, как ты хочешь. Неужели наши дурачки-соседи действительно так преуспели?

– Я слышал в коридоре, как они друг друга поздравляли.

– Может, это специально, чтобы тебя позлить?

– Нет, уверяю тебя, в моем окружении ты – единственный любитель мотать нервы ближнему.

Джош отвел Люка в мертвую зону, невидимую для камер.

– Завтра мы перенесем сразу десять препаратов на более широкий кристалл и свяжем их между собой. Зададим их простой алгоритм и посмотрим, что будет. Мы должны оценить их способность к вычислениям и, главное, посмотреть, какой рост проистекает из их связанности: линейный, логарифмический или экспонентный.

– А потом? – спросил Люк.

– Потом попытаемся воспроизвести то, чему мы их научили, на простых электронных носителях. Все, едем домой, я вконец вымотался, прошлой ночью я не сомкнул глаз.

Как только машина выехала за периметр зоны действия глушилок, которыми был оснащен комплекс, Джош проверил свой телефон. Хоуп не оставила ему сообщений.

– Ты с ней переспал? – спросил Люк, выезжая на шоссе.

– С чего ты взял, что я был с Хоуп?

– Ты только что сам себя выдал. Но достаточно того, что вас обоих не было на занятиях.

– Успокойся, она не хочет с нами работать, – сказал Джош.

– Мы договаривались, что обсуждать с ней это буду я. Что ты ей наплел?

– Ничего конкретного, так, общая беседа про то, что меня интересует больше всего.

– Вы не обсуждали ничего, кроме секса?

– Ты бываешь таким болваном, Люк! Представь, обсуждали, и много чего!

– Раз ты ничего ей не раскрыл, от чего же она отказалась?

– Она не отказывалась, просто я почувствовал ее враждебность. Думаю, у нее этические возражения.

– Это потому, что ты действовал неуклюже. Если бы ты доверил это мне...

– Раз ты хитрее меня, возьми и переубеди ее. Вообще-то я думал, что должен выбрать что-то одно: либо наш проект, либо мои чувства.

– Приехали!

– Ты так тащишься, что мне казалось, мы застряли на полпути.

– Я знал, что, как только я выдвину это условие, тебе тут же втемяшится в башку его обойти. Теперь все прояснилось.

– Для тебя – может быть, а для меня все по-прежнему в тумане. Я думал, она пришлет мне сообщение... Погоди! Ты мной манипулировал?

– У Хоуп к тебе чувства, надо быть полным кретином, чтобы этого не замечать. Раз вы провели вместе прошлую ночь, то, полагаю, не потому, что у нее вдруг возникло желание развлечься.

– Ты-то откуда знаешь?

– А что, у тебя были другие намерения?

– Брось! – сказал Джош сердито. – В кои-то веки я совершенно серьезен.

– Так я и думал. Приехали! Рад убедиться, что за последние сутки сделал прогресс не я один.

– Я тебе говорил, что иногда ты здорово действуешь мне на нервы?

– Говорил, и даже часто, но мне как-то все равно.

– Не меняй тему. это условие потребовалось только для того, чтобы?..

– Сколько времени ты топтался бы на месте, прежде чем рискнуть и залезть к ней в постель, если бы не мое неделикатное вмешательство? Ну а теперь, когда ты больше не сомневаешься в моих талантах, будь любезен позволить мне и ею поманипулировать, чтобы ей захотелось присоединиться к нашей работе. Если мы хотим выиграть время, то нам пригодится подкрепление.

– У тебя какой-то болезненный дух соперничества!

– Думаешь, «Лонгвью» будет бесконечно оплачивать учебу сотрудников Центра? Какой процент из нас, по-твоему, останется на следующем курсе? А я тебе скажу – мне хватило ума расспросить старожилов. По истечении первого года половина поступивших уступает место более многообещающим талантам, а к концу второго курса не возобновляют контракт второй половине. Как видишь, нам позарез нужны быстрые и конкретные результаты, прежде чем наши конкуренты доведут до ума свои проекты.

– Ладно, действуй. Уговаривай Хоуп к нам присоединиться, только не смей использовать в своих махинациях меня!

– А ты не смей причинять ей страдания! Если обманешь ее, не будет тебе моего прощения! Убери телефон, дай ей передохнуть.

Люк оставил машину около дома и пошел спать, не дожидаясь Джоша.

4

Хоуп обедала в кафетерии сэндвичем и читала журнал. Джош уже давно наблюдал за ней снаружи, делая вид, будто сосредоточенно читает свою почту. Наконец у него на экране появилось сообщение:

Долго еще будешь торчать под окном?

Он поднял голову и встретился взглядом со смеющейся Хоуп. Пришлось войти.

– Как дела? – спросил он, подсев к ней.

– Это все, что пришло тебе в голову?

– Как спалось?

– Час от часу не легче!

– А мне говорить?

– Для начала поздоровался бы, неплохим продолжением стал бы поцелуй...

– Вижу, ты тоже не выспалась.

– Как раз наоборот. Давненько мне не удавалось проспать почти восемь часов без прерыва.

– Вот оно что... – пробормотал Джош.

– В Салеме было хорошо. Ты ведь это хотел услышать?

- Да. Можно узнать, что тебя беспокоит?
- Ничего, не считая жуткой головной боли. Ну и еще звонок моего отца: он приедет в пятницу вечером.
- Разве это не приятное известие? Я думал, ты обожаешь своего отца.
- Обожаю, кроме тех случаев, когда он знакомит меня со своей новой подружкой.
- Ясно.
- Ничего тебе не ясно.
- Ревность единственной дочери?
- При чем тут это? Никогда не была ревнивицей, просто после маминой смерти он только и делает, что путается с разными бабами.
- Если бабы делают его счастливым, что тебя не устраивает?
- Если бы он был с ними счастлив!.. Так ведь нет.
- Не торопись, сначала познакомься с ней. Дай ему шанс.
- Как будто у меня есть выбор... Ты говорил с Люком? Я думала, ты пришлешь мне вечером сообщение.
- А я ждал твоего.
- Как он к этому отнесся?
- Ну как... Он за нас рад.
- Seriously?
- Твой отец останется на весь уик-энд?
- Вероятно. А что?
- А то, что мы долго не сможем увидеться. Знаю, еще рано говорить такие вещи. Люк мне очень не советовал, но у меня нет сил на притворство.
- Знаешь что? Раз отец намерен показать мне свою новую пассию, то почему бы мне не ответить ему тем же?
- Хочешь, чтобы я побыл кем-то вроде твоей новой бабы?
- Хоуп, едва отхлебнув чая, поперхнулась и выплюнула его.
- Люк не сумел отговорить тебя от признания, что ты соскучишься без меня за один уик-энд, но...
- Он какой, твой отец?
- Немного старомодный, а так – классный! Не хмурься так, он тебя не съест. – Хоуп посмотрела на часы и встала. – Я обдумала наш разговор. По-моему, работать вместе – не лучшая идея.
- Если бы я продемонстрировал тебе нечто по-настоящему невероятное, ты бы дала мне последний шанс тебя переубедить?
- Попытка не пытка.
- Сначала пообещай никому об этом не рассказывать. У меня могут возникнуть серьезные неприятности.
- Вы синтезируете наркотик?
- Я тронут, что ты такого высокого обо мне мнения.
- В одном Люк прав: с юмором у тебя и правда нелады.
- Это что же, вы судачите обо мне у меня за спиной?
- Точно так же, как сейчас мы обсуждаем его. Итак, я тебя слушаю. На этой неделе я, похоже, всем даю шанс.
- Джош наклонился к Хоуп и поцеловал ее.
- Дождись вечера. Кстати, я – не все.
- С этими словами он удалился.

* * *

В этот самый момент Люк вышел из здания и направился на стоянку. Усевшись в машину, он запустил руку под кресло, достал блокнот и поспешно настроил в нем несколько строк, после чего снова спрятал. После этого вылез, захлопнул, но не запер дверцу, вытянул из крыла машины антенну и вернулся в большую аудиторию.

Люк опоздал на лекцию профессора Флинча: она началась уже полчаса назад.

– Гляжу, ты не торопишься, – прошипел Джош и поджал ноги, давая ему пройти.

Люк плюхнулся на скамью и достал планшет.

– Я что-то пропустил?

– В общем-то нет.

– Где Хоуп?

В ряду перед ними поднялась рука.

– Я еле продрал глаза, – сознался Люк.

Хоуп оглянулась и обожгла его взглядом. Люк ответил ей улыбкой, после чего сосредоточился на Флинче, барабанившем по клавиатуре терминала, подключенного к проектору.

– Теперь, когда мы в сборе и успокоились, – молвил профессор, намекая на студента, сбившего его с мысли своим опозданием, – я хотел бы познакомить вас с одним блестящим и многообещающим экспериментом, недавно проведенным шестью моими студентами. Они надели на голову обезьянке электроды, чтобы компьютер регистрировал электрические импульсы ее мозга, особенно при пользовании правой рукой.

На экране позади Флинча появилась фотография обезьяны уистити – вылитый примат-астронавт XX века.

– Спешу успокоить всех, кто приготовился переживать за Мако – так зовут нашего очаровательного соратника по науке: можете сами убедиться, что электроды прикреплены к съемному шлему и не причиняют ему никакого вреда.

По аудитории пробежал удовлетворенный ропот. Флинч улыбнулся до ушей, поцокал языком и продолжил:

– Так мы сумели выяснить, что происходит в мозгу Мако, когда он совершает правой рукой различные движения...

Появилась серия графиков с энцефалограммой обезьяны.

– На следующем этапе мы соединили тот же самый компьютер с протезом руки.

Новое изображение – на сей раз протез руки с вращающейся кистью.

– Мы поместили этот протез в другом помещении. Компьютер, считывая волны, испускаемые обезьяньим мозгом, очень быстро научился управлять этой механической рукой, вернее, воспроизводить ею движения, которые совершал Мако настоящей рукой.

Экран за спиной у профессора разделился на два вертикальных экрана, на которых одновременно пошли два ролика. Слева Мако болтал рукой, справа ему великолепно подражал электронный протез. Аудитория зааплодировала. Радостный Флинч жестом попросил студентов немного подождать с ликованием.

– Потихе, пожалуйста, самое интересное впереди. Мы поставили в комнате, где сидел наш уистити, экран, на котором он смог наблюдать за этой механической рукой, чем совершенно его заворожили.

На озадаченную обезьянку нельзя было смотреть без смеха. Одна Хоуп не находила ничего забавного в том, что пришлось переживать животному.

– Мако очень быстро понял, что робот повторяет все его движения. Игра сильно его забавляла. Эти кадры демонстрируют, что Мако продолжил махать рукой, управляя роботом. Разве не так же забавляются дети и взрослые, запуская радиоуправляемые игрушки?

Аудитория легла от хохота, но Мако внезапно замер. Так же замерли зрители. Рука в левой части экрана продолжала жестикулировать, обезьяна же теперь сидела совершенно неподвижно.

– Ну, что теперь скажете? Вы это видели? – воскликнул Флинч с нескрываемым восторгом. – У нашего уистити получилось управлять протезом руки на расстоянии, посредством одних мозговых волн.

Студенты вскочили и захлопали в ладоши.

– Предоставляю вам самим домыслить, что могут в будущем дать результаты такого эксперимента! – провозгласил Флинч громовым голосом.

В этот раз аудитория разразилась оглушительными овациями.

– Представьте, сколько наших солдат, лишившихся на поле боя конечностей, смогут вскоре вернуться к нормальной жизни! – взревел профессор.

Хоуп оглянулась на Джоша и Люка.

– Если так дальше пойдет, этот напыщенный, самодовольный болван скоро потребует, чтобы мы проголосовали за него на президентских выборах. – И она поморщилась с отвращением.

Под призывы Флинча к студентам ознакомиться с подробным отчетом об эксперименте, который раздадут его ассистенты после лекции, Хоуп собрала вещи и направилась к дверям аудитории. Друзья удивленно переглянулись, и Джош поспешил за ней.

Он нагнал ее уже на ступеньках перед корпусом и остановил, схватив за руку.

– Что за муха тебя укусила?

– Поверить не могу, что ты ему хлопал!

– У них потрясающие достижения! Не будешь же ты отрицать, что они вдохновляют. Вспомни об инвалидах, которым в один прекрасный день помогут эти разработки.

– А они спросили мнение самого Мако, прежде чем прицепить ему лишнюю конечность? Ты только что собственными глазами любовался на первое трехрукое млекопитающее. Думаешь, они на этом остановятся? Думаешь, то, что Флинч видит именно солдат первыми, кто будет осчастливлен его изысканиями, – совпадение? Кто, по-твоему, финансирует такие работы?

– Думаю, факультет, ну, еще, может быть, частные лаборатории. Какая разница, главное – результат.

– А лабораториям кто деньги дает – медицина или армия? В чем цель – в исцелении или в бесперебойных поставках пушечного мяса? Думаешь, они стремятся возместить причиненный ущерб? Вперед на завоевание планеты, ребята! Потеряли ногу? Не беда, вам пришьют новую. Можно даже пришить вам лишнюю ногу еще перед боем, так вы будете еще сильнее, а вскоре и вовсе станете непобедимы.

– Зачем тебе заниматься наукой, если тебя до такой степени пугает прогресс?

– Уж точно не для этого, Джош. Чтобы лечить болезни, а не чтобы превращать людей в сверхчеловеческие машины, не чтобы мучить зверей, заставляя их делать то, чего не желаем делать мы сами. Скажи, разве ты полностью доверяешь Флинчу? Скажи, разве мне одной мерещатся жуткие картины будущего?

– Согласен, Флинч не самый симпатичный из знакомых мне ученых, он заиклен на собственной персоне, но ты тоже признай, что он, черт бы его взял, настоящий первооткрыватель. Не надо всюду видеть одно плохое. То, что нам сейчас показали, действительно

может помочь человечеству, остается только позаботиться о соблюдении этических норм. Определить и отстаивать их – наша задача.

– Агентство национальной безопасности читает всю нашу переписку, голос торговцев оружием звучит во всем мире гораздо громче голоса родителей, чьи дети гибнут в школах, застреленные из автоматов, – и тут на сцену выходишь ты и требуешь все это прекратить, поскольку еще не установлены моральные границы. Желаю удачи! Я еще больше тебя люблю за твою бесконечную наивность.

– Ты меня любишь?

– Да пошел ты, Джош!

Хоуп замолчала. Ее внимание привлекло движение на стоянке позади них.

– В чем дело? – спросил Джош.

– Похоже, некто в шлеме присматривается к машине Люка. Это же его машина?

До «Камаро» было довольно далеко. Джош сунул свои вещи Хоуп и побежал к стоянке.

– Не дури, а вдруг он вооружен? – крикнула она, устремляясь следом за ним.

Ее попытка нагнать Джоша не удалась: вещи оттягивали ей руки.

При приближении Джоша незнакомец оседлал свой мотоцикл и умчался.

– Ну что? – спросила Джоша запыхавшаяся Хоуп.

Он обошел «Камаро» и не нашел следов: похоже, машину не вскрыли.

– Ничего. Все нормально. Похоже, тебе повсюду мерещится недоброе.

– Уверяю тебя, у того типа был подозрительный вид. Мы просто его спугнули.

– Выходит, он собирался угнать тачку Люка, оставив нам вместо нее свой шикарный мотоцикл.

Хоуп открыла дверцу «камаро».

– Что я тебе говорила? Машина не заперта!

Джош протиснулся мимо нее и уселся за руль. Магнитола была на месте, в бардачке царил знакомый Джошу беспорядок, кассеты Люка никуда не делись.

– Ничего не пропало. Он, должно быть, просто забыл ее запереть.

Джош вылез из машины, не заметив блокнота на полу под передним сиденьем.

Хоуп пожала плечами, отдала ему вещи и зашагала в кампус.

– Может, сходим сегодня вечером в кино? – предложил ей Джош.

– А что, это мысль, мне полезно отвлечься.

– Как ты насчет того, чтобы пересмотреть «Терминатора»?

Хоуп двинула его локтем в бок. Джош крепко ее обнял и поцеловал.

– Ладно, схожу с тобой на ужин с твоим отцом. Мир?

– Нам нужно место для вечернего уединения. Не будем же мы играть в любовников, встречающихся тайком? А главное, мне хочется спать с тобой.

– Теперь, когда Люк все знает, почему бы тебе не приходить ко мне когда заблагорассудится? Наша квартирка недалеко. В нашем доме не существует запретов на общение полов.

– А Люк не будет против? Ты все-таки спроси у него.

Хоуп поцеловала Джоша и ушла.

* * *

Найдя Люка в библиотеке, Джош уселся напротив него.

– Хочешь что-то мне сообщить? – спросил Люк.

– Ты бы запирали свой автомобиль. Знаю, ты справедливо полагаешь, что никому, кроме тебя, не понадобится такое древнее корыто, и все же...

– Ты это о чем?

– Я только что с пробежки. Пытался догнать какого-то типа, ошивавшегося возле твоего «Камаро». Его заметила Хоуп.

– Разве машина была открыта? Я как будто ее запер. Очень признателен вам обоим.

– Не хочешь проверить, не пропало ли чего?

– Что воровать из такого корыта, как ты выразился? Кстати, напомни мне о своем отношении к моей машине, когда в следующий раз надумаешь ее позаимствовать.

– Чего это вы все в таком дурном настроении?

– У меня прекрасное настроение. Другое дело Хоуп. После номера, который она только что выкинула в аудитории, я раздумал приглашать ее к нам присоединиться.

– А я пригласил ее переночевать у нас сегодня.

– Что ты сделал? – переспросил Люк, наконец-то подняв голову.

– Не забудь, если бы не она, ты бы остался без тачки.

* * *

Хоуп пришлось удовольствоваться китайской едой, заказанной Люком по телефону. Они устроились втроем в комнате, служившей кабинетом и гостиной и разделявшей две маленькие спальни.

– Как вам удастся оплачивать такие хоромы? – спросила Хоуп.

– Как видишь, мы экономим на еде, – объяснил Джош с полным ртом.

– Выбываемся из сил, – добавил Люк, чтобы Джош еще чего-нибудь не ляпнул.

– Она в курсе, – не унимался Джош.

– В курсе чего? – осведомился Люк, кладя свои палочки на ящик, служивший друзьям журнальным столиком.

– Удовлетворите мое любопытство! – взмолилась Хоуп. – Вы помните, что здесь есть еще я?

– Что мы вкалываем на одну контору, финансирующую нашу учебу и это гнездышко площадью тридцать восемь квадратных метров, – ответил Люку Джош.

– А в курсе ли Хоуп, что ей следует держать эту информацию при себе? – спросил Люк.

– Хоуп обожает, когда о ней говорят в третьем лице. Еще Хоуп посылает тебя ко всем чертям, потому что она не доносчица, в чем у тебя уже были возможности убедиться. Хоуп также полагает, что Люк и Джош имеют право делать со своей жизнью все, что они хотят, и заниматься ночью тем, чем им вздумается... А что, даже забавно, можно продолжать разговор в таком стиле или вообще друг с другом не разговаривать из опасения разболтать важные секреты, – добавила она издевательски.

Люк взял свои палочки и принялся молча есть.

– Хорошо, не стану вам навязываться. Я тебя не потревожу, Люк, и не останусь ночевать. Спасибо за приглашение на ужин, в следующий раз моя очередь вас угощать.

– Да что это с вами обоими? – не выдержал Джош. – Прекратите препираться!

Люк вздохнул и примирительно протянул Хоуп руку.

– Прошу прощения, я иногда бываю бестактным.

– Извинения приняты. Только можно мне не пожимать твою руку? Она в соевом соусе.

– В общем, так... – Люк вытер губы. – Хватит ходить вокруг да около. Или ты присоединяешься к нам, или соглашаешься – независимо от ваших с Джошем отношений – держаться подальше от нашей работы.

– Иногда ты меня пугаешь, Люк. Что там у вас за темные делишки высокой секретности?

– Мы не делаем ничего незаконного. Просто в этом мире конкуренции мы не можем допустить, чтобы из-за чьей-то оплошности плодами наших усилий воспользовались другие.

– Я умею держать язык за зубами.

– Это будет получаться у тебя гораздо лучше, если ты вообще ничего не будешь знать.

Хоуп встала и распахнула окно, потому что ароматы китайской кухни вызывали у нее тошноту.

– Вы заподозрите меня в паранойе, – прошептала она, – но мотоциклист, ошивавшийся вокруг твоей машины, снова здесь. Он на улице.

Джош подошел к ней.

– На таких мотоциклах кто только ни ездит, – сказал он. – Но я согласен, это любопытно. Взгляни, Люк.

– На что глядеть? Я, в отличие от вас, навидался мотоциклов. Можете дальше играть в шпионов, а мне надо работать. Я пойду к себе.

Джош и Хоуп провели еще немного времени на наблюдательном посту, а потом закрыли окно, почти разочарованные. На кампусе хватало мощных мотоциклов, и мотоциклист, за которым они наблюдали, мог оказаться просто новым жильцом.

* * *

Хоуп нырнула под одеяло и прижалась к Джошу.

– Он ревнует. Перешел в такую глухую оборону, что это можно объяснить только ревностью, – сказала она.

– Вряд ли Люк в меня влюблен, если тебе любопытен этот вопрос, – отозвался Джош со смехом.

– Я вторгаюсь в его пространство, вмешиваюсь в вашу дружбу. Он не вполне понимает, как это объяснить, – зашептала она. – Скажи, почему он один?

– У Люка бывали приключения, но он всегда был один, такая уж у него натура.

– Натура здесь ни при чем, все дело в удачном знакомстве, у тебя тоже случались приключения, и ты тоже был один, пока не встретил меня.

– Не так, как он, и не всегда. У меня однажды были длительные отношения.

– Напрасно я здесь осталась, – проворчала Хоуп, насупившись.

– Вовсе не напрасно, это была замечательная идея, – возразил он, целуя одну ее грудь, потом другую.

Его язык поиграл с ее пупком, пробежался по лобку и по бедрам, а потом и вовсе осмелел.

– Замечательная идея! – простонала Хоуп. – Это были правильные слова.

* * *

Следующим вечером Джош и Хоуп отправились в кино. Люк возвращался домой один, когда рядом с ним затормозил мотоциклист и протянул ему шлем. Люк устроился у него за спиной, и ездок прищиприл своего железного коня.

Целью двадцатиминутной поездки оказался шикарный ресторан на другом конце города. Люк сошел с мотоцикла, отдал шлем хозяину и направился в зал. Узнав человека, сидевшего у стойки, он взгромоздился на соседний табурет.

Флинч щелкнул пальцами и велел бармену обслужить его гостя.

– Вашему курьеру надо действовать аккуратнее, – тихо сказал Люк.

– Судя по тому, что вы рассказываете, это не я нуждаюсь в советах относительно осторожности. Не нравится мне эта история. Сами знаете, какое значение я придаю преданности членов моей команды и их благоразумию.

– Как еще я мог поступить? У них любовь. Никогда еще не видел Джоша таким слабым.

– Слабым?

– Он полностью в ее власти.

– По вашему виду не скажешь, что она запала вам в душу, скорее наоборот... Но у меня есть дела поважнее любовных страданий студентов, – проворчал Флинч, потягивая белый martini.

– Я хотел выждать несколько дней, прежде чем к вам обратиться, но у нас наметился... заметный прогресс.

– Забавно, как резко вы меняете тему разговора! С чего вы взяли, что можете самостоятельно решать, докладывать или нет о продвижении в вашей работе и когда это делать? Вам напомнить об обязательствах, которые вы на себя приняли?

Бармен поставил перед Люком бокал, но тот к нему не притронулся.

– Я вас слушаю! – с нажимом произнес Флинч, у которого любопытство взяло верх над снисходительностью.

Люк спокойным, даже чересчур спокойным голосом стал рассказывать, как нейроны, которые он взял из мозга крысы и разъединил, сами по себе снова соединились на кремниевых микрочипах.

– Интересно! – не удержался от восклицания Флинч.

– Завтра нейронная сеть так уплотнится, что мы сможем приступить к обучению ее командам.

Флинч постучал ногтем по пустому бокалу, чтобы бармен подал ему новый, – видимо, полагал, что это больше соответствует его высокому положению, чем обычная вежливая просьба.

– Если это получится, то вы сможете проучиться у нас еще год.

– Если это получится, то вы должны будете гарантировать нам обоим прохождение всего университетского курса.

– Я знал, что вы самонадеянны, но чтобы настолько...

– Уже через месяц мы предпримем первую попытку дублирования данных на простых копроцессорах.

– Вы серьезно?

– Раньше я вас разочаровывал?

– Допустим... Только учтите, вы понятия не имеете, какова природа данных, содержащихся на ваших оригиналах. Что думает ваш друг?

– То же, что я, – ответил Люк, стараясь не показывать, какое раздражение вызвал у него этот вопрос Флинча. – Если наша теория получит экспериментальное подтверждение, то наши биологические препараты смогут запоминать поступающие от нас инструкции. После переноса их электронные эквиваленты позволят компьютеру воспроизводить эти инструкции. В точности как в эксперименте, который вы нам демонстрировали, но без участия обезьяньей воли. Мы довольствуемся клетками мозга крысы – по крайней мере, в данный момент.

– Только не торопитесь. Будем надеяться, что сработает хотя бы с крысой. Дальше видно будет. Учтите, о том, чтобы идти дальше без моей санкции, не может быть и речи. Начиная с сегодняшнего дня будете отчитываться передо мной ежедневно и вести журнал наблюдений во внутренней сети Центра.

– Как мне объяснить Джошу, почему мы перестали публиковать наши результаты вопреки вашим прежним указаниям?

Флинч какое-то время в задумчивости молчал, уставившись на густую жидкость, которую рассеянно болтал в своем бокале. Потом, медленно опустив бокал, он улыбнулся.

– А так и объясните: назревает, мол, сенсация, поэтому надо дождаться завершения опытов, а потом попробовать договориться со мной о двухгодичном финансировании вашей учебы в обмен на этот результат.

– Я рассчитываю получить больше.

– Почему нет? Вы всегда можете поэкспериментировать и с этим, – со смехом сказал Флинч, хлопая его по плечу. – А пока что позаботьтесь, чтобы его подружка не нарушила правильный порядок вещей. Я не против, чтобы он немного развлекся, вы тоже, кстати, вам это пойдет на пользу, но только чтобы это не отвлекало от главного – работы. Мы оба знаем, что его талант... Собственно, вы знаете об этом, думаю, больше, чем я.

Люк допил свой martini и встал.

– Если он и вправду очарован этой девушкой, то рано или поздно проболтается ей про Центр. Не нравится мне это, – буркнул Флинч.

– Как насчет того, чтобы предложить ей работать с нами?

– А что, в этом что-то есть... – бросил Флинч, глядя на Люка.

– Не думал, что эта мысль вам понравится, я ожидал противоположного.

– Отчего же, идея как раз блестящая! В тройках всегда возникает соперничество. Один против двоих, двое против одного, каждый за себя. Биение трех сердец в унисон, а тем более согласие трех умов – большая редкость. Соперничество вызывает злость, а она – источник творчества и энергии. Разумеется, если эта милая девушка согласится, мы сможем предложить ей те же условия, что и вам. Вкупе с чувствами, которые она питает к вашему другу, это могло бы хорошо ее мотивировать.

Флинч задержал Люка, взяв его за рукав.

– Один совет опытного человека. Если инициатива будет исходить от вас, то это поможет вам завоевать ее признательность. Вы возглавили бы группу. А теперь расстанемся, меня ждут к ужину. Да, забыл сказать: браво! Я под впечатлением от того, что вы мне сообщили, а меня, учтите, нелегко впечатлить. Надеюсь, вы верно оцените этот комплимент.

– Как мне вернуться домой?

Флинч порылся в кармане и бросил на стойку несколько мятых купюр.

– Вероятно, на такси.

Люк пересек город в противоположном направлении. Он был мрачнее тучи, повисшей в небе. До места оставалось еще метров сто, а он уже попросил водителя остановиться и преодолел оставшееся расстояние под хлынувшим вдруг проливным дождем и влетел в подъезд насквозь промокший. Единственным за вечер подарком судьбы оказалась пустая квартира. Он наскоро разделся в своей комнате и встал под горячий душ.

Он уже потушил свет, когда раздались шаги, потом сдавленный смех. Джош и Хоуп крались на цыпочках к своей кровати через темную гостиную.

Наутро, проснувшись, они обнаружили, что Люк уже ушел.

* * *

Выходя из аудитории после занятий, Джош увидел на своем телефоне послание от Хоуп:

Я поужинаю с Люком.

Не жди меня.

Он тут же ответил:

Нехорошо держаться особняком.

Она отозвалась:

По-моему, это мы с некоторых пор держимся особняком.
Ты прав, это нехорошо.

Джош убрал телефон в карман и пожал плечами. Хоуп была права: после уик-энда в Салеме он совсем не уделял внимания Люку и это уже навредило их дружбе. Его рассердило, что мысль о первом шаге посетила не его и что Хоуп оказалась более великодушной.

5

Она ждала его, сидя на ступеньках перед их домом.

– Джош еще не сделал тебе ключ? – осведомился Люк.

Хоуп протянула руку, чтобы он помог ей встать.

– Я тебе не враг, Люк. У меня в мыслях нет его у тебя похитить.

– Очень мило, что ты решила открыть мне глаза. Мы уже не в детском саду. Делайте что хотите, я только об одном тебя прошу: не кради у него все свободное время. Уже две недели Джошу на все плевать, хотя он и раньше был не слишком прилежным студентом. Мое и его будущее связаны, но я не могу в одиночку тянуть всю работу и его прикрывать.

– Я позабочусь об этом, – ответила Хоуп. – Принимаешь мое приглашение поужинать?

Поколебавшись, Люк подозвал ее к своей машине.

– Мне надо кое-что тебе показать, – сказал он. – Садись.

Хоуп тоже заколебалась, непонимающе глядя на него. Сев на пассажирское место, она удивилась, что он не трогается с места.

– Не бойся, я не увезу тебя в лесную чащу.

– Такое мне в голову не приходило. Ну и?..

– Попробую кое-что тебе объяснить. – С этими словами Люк запустил мотор.

Когда «Камаро» выехал из города, Хоуп спросила Люка, куда он ее везет. С самого начала поездки и до тех пор, пока не затормозил у ворот Центра, он не промолвил ни слова.

Хоуп, сжимавшая в руке телефон, хотела отправить сообщение Джошу.

– Нет сети, – сообщила она, немного встревожившись.

– Нет, потому что в здании установлены генераторы помех. Отсюда ни с кем не свяжешься в радиусе полукилометра.

– Зачем мы здесь, Люк? Почему все так загадочно? Что это за место?

– Здесь куется будущее, а будущее иногда пугает, – ответил он, повернувшись к ней.

– Что страшного в будущем?

– Представь на минуточку, что все благонамеренные и талантливые люди на свете, все ученые, врачи, художники, ремесленники, строители, объединяются с намерением улучшить мир, сделать его красивее, не таким жестоким, более справедливым. Каким было бы первое необходимое условие, без которого их мечта никогда не осуществилась бы?

– Ну, не знаю... Преодолеть страх перед утопией?

– Нет, первым делом пришлось бы их защитить, чтобы они смогли работать в безопасности. Найти такое место, где им не угрожали бы политики, чиновники, частные интересы, лоббисты, консервативные силы, не заинтересованные в изменении мира.

– Так это здание...

– Верно. Центр полностью автономен, от всего отрезан, прежде всего от повседневных случайностей. Никто из работающих здесь не знает, существуют ли другие подобные учреждения и если существуют, то где они находятся. Вопрос безопасности.

– До такой степени?

– Новаторские идеи рождаются с большим трудом, а отказаться от их осуществления, испугавшись масштаба задачи, наоборот, легче легкого. Думаешь, влияние всемирного потепления обнаружили только теперь? Западному миру о нем известно уже не одно десятилетие, но экономические соображения принуждают человека заботиться в первую очередь о насущных интересах, а не о будущем.

– Ты не сгущаешь краски? Есть немало честных людей, сопротивляющихся козням сильных мира сего.

– Хочу рассказать тебе одну историю. Тридцать лет назад в моем родном городе младенцы стали болеть странной легочной инфекцией. Некоторые умирали, не дожив до года, у остальных развивались патологии дыхательных путей. Ситуация все больше напоминала эпидемию, поэтому в город прислали врача, славного сельского доктора, с заданием найти вирус или бактерию, поражающую новорожденных. Доктор взялся за дело, пользуясь теми средствами, которыми располагал. Он искал всюду: в воде, молоке, еде, исследовал даже соски, пеленки и подгузники. И вот однажды вечером, так и не отыскав причину напасти и находясь в отчаянии, он вышел покурить на крыльцо домика, который снимал. Вообще-то он давно бросил курить и от первой же затяжки закашлялся, как угольщик. Эта сигарета и навела его на след. Он приобрел карту местности и стал расставлять на ней крестики. Синие там, где жили больные младенцы, красные там, где младенцы умирали. У него быстро получилось два круга из крестиков, причем диаметр синего круга был больше, чем диаметр красного, располагавшегося внутри синего.

– А посередине? – спросила Хоуп.

– Посередине дымило предприятие по добыче метана. Оно забурилось слишком глубоко, отчего постоянно происходил выброс окиси углерода в верхние слои почвы. Взрослые от этой дозы не заболевали, а малышам ее было вполне достаточно.

– Предприятие закрыли?

– Спустя два дня после сделанного открытия труп доктора выловили в реке. По официальному заключению он напился, полез пьяным купаться и утонул. В декабре... Предприятие было экономическими легкими всего района и прежде всего нашего города, большинство семей не смогло бы без него существовать. Кто стал бы говорить с тамошними работягами о реконверсии, о чистой энергетике, когда начать пришлось бы с того, что они скоро лишатся рабочих мест? Как видишь, одно дело – обнаружить проблему и совсем другое – решить ее, особенно когда экономические интересы одних становятся преградой на пути у других. Поэтому возможности грядущего так часто попадают в плен к обстоятельствам настоящего. Но только не внутри этого здания. Вот теперь я готов задать тебе вопрос: ты хочешь войти туда со мной, хочешь стать участницей этого будущего?

– Так вот куда торопится Джош, когда пропадает среди ночи? Это здесь вы плетете свои заговоры?

– Заговоры? Какая абсурдная мысль!

– Это я так, к слову. Для меня лестно, что ты предлагаешь мне к вам присоединиться, но мне надо подумать, прежде чем принять решение.

– Дело в ваших отношениях?

– Еще не знаю. Будь добр, отвези меня обратно в кампус. Это место нагоняет на меня тоску.

– Сначала я устрою тебе экскурсию: не для того я сюда тащился, чтобы удовлетвориться короткой дискуссией, – ответил Люк, открывая ворота. – Внутри ни с кем не разговаривай, запоминай все возникающие у тебя вопросы. Когда мы выйдем, можешь задать их мне, все до единого.

Хоуп пыталась понять, что мешает ей войти, – ей, обычно такой отважной и любознательной. Распахнув дверцу машины, она сделала приветливое лицо и зашагала к Центру.

Люк заторопился следом за ней. Он положил ладонь на сканер отпечатков пальцев и, когда открылась дверь, подтолкнул Хоуп вперед.

Удивленная Хоуп очутилась в тамбуре. Люк жестом приказал ей помалкивать. Зажглась зеленая лампочка, и Люк вышел из шлюза, ведя ее за собой.

Ее поразили масштабы увиденного. Казалось, она очутилась в будущем. В огромных лабораториях работало современнейшее оборудование. Все люди за стеклом принадлежали к ее поколению. Справа от нее несколько человек оживленно спорили перед цифровым табло, чуть подальше две молодые женщины управляли роботом, с виду почти не отличавшимся от человека. Его пластмассовое лицо трудно было принять за живое, зато движения его глаз да и сами глаза были на удивление человеческими. Слева четверо молодых ученых возились с невиданным принтером. Хоуп открыла было рот, собираясь задать вопрос, но предостерегающий взгляд Люка заставил ее промолчать. В следующий момент она вздрогнула: ей на плечо легла чья-то рука.

– Когда смотришь отсюда, – заговорил Флинч, – то можно подумать, что это обычный струйный принтер. Вообразите, это вовсе не так. Я всегда считал, – продолжил он, – что чужого доверия не добиться, когда сам человеку не доверяешь. Полагаю, вы не станете мне возражать. Пойдемте.

Хоуп не собиралась возражать. Авторитет профессора, которого она прежде встречала только в аудитории, на его лекциях, здесь – в непривычной обстановке, вблизи – только казался весомее. Вблизи профессор выглядел внушительнее, чем издали.

Он подошел к рабочему столу исследователей.

– Согласен, этот аппарат смахивает на простой канцелярский агрегат, но учтите, он предназначен не для воспроизведения прикольных фоток на глянцевой бумаге, – начал он объяснять со смехом. – Сейчас вы все увидите и будете поражены. Сначала сканер, вроде тех, что оцифровывают документы, считывает повреждения прямо с тела раненого.

На вделанном в стену экране появилось в реальном масштабе времени то, что описывал Флинч: мужчина с ожогом руки третьей степени на больничной койке. Врач сканировал конечность раненого при помощи такого же прибора, который видела перед собой Хоуп. После этого компьютерный терминал выдавал объемное изображение ожога. Дождавшись конца видеоролика, Флинч продолжил:

– Аппарат анализирует рану, определяет глубину и контуры поврежденных структур, костных тканей, мускулатуры, кровеносной и нервной систем, слоев кожного эпителия. Эти данные передаются на компьютер, который их обрабатывает и передает на наш чудесный принтер. Чернил в нем нет, а что же есть? Понятный вопрос. Каждая его кассета наполнена здоровыми клетками, взятыми у нашего пациента и размноженными нами. Принтер проецирует эти здоровые клетки или, правильнее сказать, распыляет их именно там, где каждая из них должна прижиться и начать делиться, чтобы поражение было в конце концов залечено. Грубо говоря, мы напрямую впечатываем различные клеточные слои в рану нашего пациента. Впечатляет? Пока что это прототип, но первые результаты невероятно вдохновляют². Вон там, – важно продолжал Флинч, указывая на следующий зал, – мы работаем над объем-

² Такой сканер-принтер сейчас испытывается в Институте регенеративной медицины Уэйк-Форест под руководством профессора Энтони Аталы. (Прим. автора.)

ным воспроизведением целых органов. Если бы вы знали, сколько людей умирает каждый год только из-за отсутствия пригодных доноров! Не готов утверждать, что мы в конце концов сумеем напечатать в нашем салоне 3D-почку, другое дело больница, там рано или поздно...

Флинч повернулся к Хоуп и уставился своими голубыми глазами ей прямо в глаза. Он шумно втянул воздух и принял картинную позу.

– Понимаете, мисс, если мои студенты иногда называют меня высокомерным, хотя вы, уверен, не разделяете этого мнения, то дело только в моем страстном отношении к нашим здешним занятиям. Этот комплекс раскинулся на площади более тридцати тысяч квадратных метров. Сами можете вообразить, сколько разнообразных направлений здесь разрабатывается. Люк проводит вас обратно. Утро вечера мудренее, завтра вы ему ответите, возникло ли у вас желание к нам присоединиться. Если нет, то теперь, когда вы знаете, зачем мы существуем, я рассчитываю на ваше молчание. Хотя ничего из того, что я вам показал сегодня вечером, не составляет большой тайны.

– А то, чего вы мне не показали?

– А это, моя дорогая, вы увидите только после того, как примете решение. Поверьте, вас ждут еще и не такие чудеса!

* * *

– Тебе нечего мне рассказать?

– Я в раздумьях.

– Как прошел ужин с Люком?

– Хорошо... Умираю с голоду, у тебя в холодильнике ничего не найдется?

– Ага! – И Джош встал с дивана.

Обшаривая крохотную кухню, он надеялся найти что-нибудь, что понравилось бы Хоуп; содержимое холодильника выглядело плачевно. Джош захватил пару йогуртов и остатки купленного накануне, а то и пару дней назад фруктового салата; впрочем, по здравом размышлении он счел более разумным отправить его в мусорную корзину. Последние надежды возлагались на запасы хлопьев и на начатые плитки шоколада. Свалив свои находки на поднос, он понес их в комнату. Хоуп, сидевшая по-турецки на диване, радостно набросилась на кукурузные хлопья.

– Давно вы с Люком знакомы?

– Сначала надень футболку. У мужчин, конечно, мания делать два дела сразу, но если ты воображаешь, что, любуясь на твою голую грудь, я смогу вести связную беседу...

– Откуда такая сексуальная озабоченность?

– Действительно, откуда ей взяться? Забудь про футболку. Наша с Люком подростковая пора может подождать.

Джош опрокинул Хоуп на подушку и стал целовать.

– Прекрати! – взмолилась она, выскальзывая из его рук. – Мне правда хочется узнать.

Она схватила с кровати рубашку Джоша и натянула ее с лукавой улыбкой.

– Мы познакомились еще в школе. Тебе-то что?

– Каким он тогда был?

– Немного чокнутый – это как раз то, что мне сразу в нем понравилось.

– Все мы отчасти со сдвигом. Сдвиг – это щелка, через которую проникает свет.

– Ну, значит, он весь светился. Мы с Люком были соседями. Мы выросли в пригороде, где сразу после заката солнца закипали драки. Все сбивались в банды, вот и у нас с ним была своя банда – из двух человек.

– Ты был драчуном?

– Не совсем, из-за этого и не примкнул ни к одной группе. Люк – другое дело: он был для своего возраста дылдой, чувствовал ответственность за своего младшего брата и научился добиваться уважения к себе. Чего только мы не вытворяли! А потом учитель физики прочистил нам мозги.

– Сколько лет вам тогда было?

– Одиннадцать. Каценберг – он называл себя Кацем – был интереснейшим человеком. Благодаря ему мы открыли для себя новую вселенную – ну, я немного преувеличиваю, эта вселенная всегда была рядом, просто раньше она нас не привлекала. Мой отец работал на фабрике электрооборудования, отсортировывал брак. Отец Люка, инженер по образованию, обслуживал кондиционеры. Понятно, что научная карьера привлекала нас не больше, чем возможность поцеловать мою кузину.

– Почему? Она была страшная?

– Была и осталась. Кац привил нам вкус к чтению, уделял нам внимание, развил в нас тягу к знаниям. Он был странный: в любое время года носил вельветовую куртку цвета гусиного помета. До сих пор недоумеваю, как такой тонкий человек мог иметь такой дурной вкус в одежде! И ездил он на омерзительно грязном древнем «датсуне». Как ни странно, все у него было старое... кроме него самого. Он невероятно продвинуто мыслил. В конце урока иногда устраивал ритуал, от которого мы покатывались со смеху. Он призывал волшебника, великого Кудай, защищавшего нас от зловредного племени, которое он прозвал «сектой Невозможных». Он прожужжал нам уши, уверяя, будто мы будем на каждом шагу сталкиваться с приверженцами этого культа, и умоляя никогда их не слушать и держаться от них подальше. Однажды он явился в класс с маленьким лимонным деревом – вздумал выращивать лимоны. Об этом, ясное дело, все пронюхали, все стали над ним насмехаться, потому что лимоны у нас в Болдуине водились только в супермаркете, привезенные из Флориды. Он заставил нас построить оранжерею, и мы узнали о существовании солнечных ламп... Слыхала о светотерапии?

– Нет, я ухитрилась поступить на самый лучший факультет, но осталась полной дурой.

– Очень жаль. В общем, мы целый год ухаживали за его лимонным деревцем. Спустя восемь месяцев мы стали продавать в школе лимонад. Именно наш учитель обнаружил в нас склонность к наукам. Мы с Люком посвящали все свободное время поиску всяческого лома среди родительского хлама – это занятие доставляло нам бездну удовольствия. Однажды мы так нагроулили карманы всякой всячиной, что потеряли бы штаны, если бы ежесекундно их не подтягивали. Каценберг заставил нас опорожнить карманы и признаться, откуда взялись наши сокровища. В обмен на его обещание не выдавать нас родителям мы согласились начать что-то мастерить. Нашим первым изобретением стал увлажнитель воздуха на основе старого кондиционера, включавшийся автоматически при определенном уровне влажности. Это была пробная модель, собранная черт знает из чего. Она неплохо работала в течение суток, после чего загорелась в сарае у отца Люка. К счастью, мы были рядом и свели ущерб до минимума. Чуть погодя, снова при пособничестве нашего учителя, мы придумали систему, включавшую автомобильные «дворники» при первых каплях дождя. Мы смонтировали ее на машине отца Люка, не сомневаясь, что получим за это грандиозную взбучку. Но вышло наоборот. Следующим вечером он ждал нас у сарая, и этот момент предопределил наше будущее. Он поздравил нас и сказал, что это гениальное изобретение, однако на свете существуют системы еще совершеннее нашей. Наши устройства, включавшие «дворники», имели большой изъян: они загорали добрую треть ветрового стекла. Отец Люка добавил, что, воспользовавшись его мастерской в следующий раз, нам стоило бы изобрести что-нибудь пооригинальнее. Ему, мол, все равно, что мы станем придумывать, лишь бы нам не пришлось зарабатывать на жизнь ремонтом кондиционеров. Мы с Люком увидели в глазах его отца надежду, похожую на мольбу о помощи. Он был таким важным для нас человеком,

что подвести его было немыслимо. Дальнейшее ты знаешь: мы вкалывали как заведенные и до сих пор мастерим всякие необычные штуковины, правда, толку от них может выйти гораздо больше, чем от «умных стеклоочистителей»...

– От лимонного деревца до нервных клеток на кремниевых кристаллах немалый путь!

– Можно посмотреть на это и так. Люк рассказал тебе о наших изысканиях?

– Более того, он свозил меня в ваш секретный ангар. Там я повстречала Флинча, еще более воодушевленного, чем на лекциях. Сначала я решила к вам не примыкать, а потом передумала. Не знаю, принято ли у любовников пожимать друг другу руку, но у меня есть такое намерение.

– По-моему, для скрепления подобного союза правильнее будет заняться любовью. Погоди, ты побывала в Центре, а убедил тебя своей историей про лимонное деревце я?

– Не ты, а в некоторой степени твой учитель в вельветовой куртке и в еще большей – отец Люка. – И Хоуп сбросила с себя рубашку.

* * *

Назавтра Хоуп позвала Люка и Джоша в кафетерий и сообщила им свои условия. Она была готова с ними сотрудничать, но отказывалась от финансовой помощи «Лонгвью» и от подписания какого бы то ни было контракта, за исключением обязательства соблюдать конфиденциальность, и сохраняла за собой право прекратить сотрудничество, когда сама захочет. Кроме того, отныне она соглашалась ночевать в комнате Джоша только в выходные и по средам, чтобы окончательно не разрушить их с Люком дружбу. Джош воспротивился было этому условию, но Хоуп твердо стояла на своем.

Вечером они втроем отпраздновали свой священный союз в одном из местных баров.

Хоуп вышла оттуда такой захмелевшей, что Джошу и Люку пришлось на руках отнести ее к себе. Изменив своему правилу, она заночевала там в четверг.

6

Хоуп уже в третий раз налила себе воды, поставила графин, осушила стакан и вздохнула.

– Подыши еще, расслабься. Уверен, он появится с минуты на минуту.

– Не он, а они, – уточнила Хоуп. – И вообще, откуда тебе знать, ты ведь не знаком с моим отцом, ты никогда его не видел и...

...И она замолчала, потому что дверь ресторана открылась.

В зал вплыла особа с обильными формами, на высоких каблуках, в прямой юбке, туго стягивающей талию.

– Когда грудь так просторна, то ей повсюду тесно, ей и вселенной мало, чтобы легко дышать, – проговорила Хоуп.

– Что ты сказала? – спросил заинтригованный Джош.

– Ничего, просто вспомнила какие-то отрывки из стихотворения, которое мы учили на занятиях иностранным языком. Сама не пойму почему.

– Думаешь, это она?

– Без всякого сомнения. Отец, должно быть, сейчас паркует машину, чтобы дать нам возможность познакомиться без него. Он всегда проявляет бесшабашную отвагу в подобных ситуациях.

– Так это уже не первый раз?

– Шестой!

Женщина оглядела зал. Ее взгляд упал на Хоуп, и она широко улыбнулась.

– Сама элегантность... Боюсь, обед затянется, – зашептала Хоуп Джошу, глядя на приближающуюся к ней новую мачеху. – Останешься со мной до десерта – выйду за тебя замуж.

– Амелия, – представилась пышная красавица, протягивая руку с ослепительными ногтями. – Ты ведь Хоуп, правильно? В жизни ты гораздо красивее, чем на фотографиях.

Хоуп словно потеряла дар речи. Амелия наклонилась ее обнять, демонстрируя Джошу роскошное глубокое декольте, и он уже начал в нем тонуть, но тут Хоуп двинула его ногой под столом.

– Твой отец паркует машину, он сейчас придет.

– Вот как? – пробормотала Хоуп.

– Ты себе не представляешь, как я рада с тобой познакомиться! Он так часто о тебе говорит, что у меня порой возникает впечатление, что ты живешь с нами.

– Вы, конечно, уже живете вместе?

– Разве он тебе не рассказывал? Знаешь, в нашем возрасте нельзя терять время.

– Кстати, а сколько вам лет?

В этот раз пинок ногой под столом достался самой Хоуп.

– Джош! – радостно представился Джош, подставляя Амелии одну щеку, потом другую. – Чрезвычайно рад!

Хоуп лягнула его ногой под столом.

– Какой красивый молодой человек! – восхитилась Амелия. – Вы такая милая пара! Я всегда говорю, что люди в паре должны подходить друг другу.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Джош тоном полного благодушия.

– Должна вам сказать, вы очень подходите моему отцу.

– Правда? – обрадовалась Амелия. – Ты проливаешь мне бальзам на душу. Между нами говоря, уж признаюсь, я иногда задумываюсь, не слишком ли твой папа серьезный человек для такой женщины, как я.

– С чего вы взяли? Мой отец – врач, вы – медсестра. разве вы друг другу не подходите?

– Я не медсестра, я занимаюсь маркетингом фармацевтической продукции.

Хоуп озадаченно умолкла.

– Я поняла! – воскликнула Амелия, рассмеявшись. – Ты меня дразнишь. Твой отец говорил, что ты большая шутница.

– Не буду спорить, хотя ему я и в подметки не гожусь.

– А чем занимаешься ты, Джош? – спросила Амелия, поворачиваясь к нему.

Третий пинок ногой под столом принудил Джоша перестать заглядывать ей за корсаж.

– Я студент, изучаю неврологию.

Хоуп быстро нацарапала несколько слов на клочке бумаги и незаметно подсунула его Джошу под локоть. Он опустил глаза и прочел: «Хватит с ней заигрывать!»

– Что такое? – поинтересовалась Амелия, заметившая передачу записки.

– Ничего особенного. Хоуп напоминает мне, что через пятнадцать минут у меня начинается занятие.

– Но ты же его прогуляешь? – спросила Хоуп и так сильно сжала ему руку, что пальцы побелели.

– Не удивлюсь, если твой отец нарочно медлит, чтобы дать нам познакомиться, – сказала Амелия, глядя в окно.

– Браво, один-ноль в вашу пользу, вы знаете его лучше, чем я думала.

– Я не собиралась забивать голов. Знаю, девушка твоего возраста ни за что не проявит благосклонность к пассивности своего отца.

– Девушка моего возраста?..

– Мой папочка тоже развелся, и я из принципа ненавидела всех женщин, которые вокруг него вились. Я не выпрашиваю у тебя любви и даже дружбы, но если бы мы смогли хотя бы поладить, то это было бы...

– Мой отец вдовец!

– Что представляет собой маркетинг фармацевтической продукции? – вежливо спросил Джош.

– Я посещаю врачей и предлагаю им новые медикаменты, разработанные лабораторией, на которую я работаю. Я объясняю им, какие чудеса способны творить наши новые формулы.

– И конечно, рассказываете о побочных эффектах... – подсказала Хоуп.

– Не без того. Кстати, новые медикаменты хороши именно слабым побочным действием. Так я познакомилась с Сэмом.

– Это побочное действие! – не удержалась Хоуп.

Наконец-то появился ее отец.

– В этом квартале невозможно найти парковочное место, – пожаловался он, садясь. – Почему ты выбрала ресторан так далеко от кампуса?

– Просто так, – отрезала Хоуп, сверля взглядом Амелию.

Сэм напряженно разглядывал Джоша.

– Познакомишь меня со своим другом?

– А как же, папа! Познакомься – это твой зять!

Сэм поперхнулся, закашлялся, чуть не задохнулся.

– Джош. – Джош протянул руку. – Не беспокойтесь, я всего лишь ее очень близкий друг.

– Всего лишь? – простонал отец Хоуп.

– Прекрати, Сэм! – вмешалась Амелия. – Куда подевались твои манеры?

Пожав Джошу руку, Сэм погрузился в изучение меню.

– Ну, что тут есть хорошенького? Надеюсь, здешняя кухня стоила того, чтобы сюда приехать? – спросил он.

– Рекомендую блюдо дня – свиную грудинку. Пальчики оближешь! – выпалила Хоуп.

Ее грубость не задела Амелию, та лишь сообщила, что, к сожалению, не сможет попробовать мясо, потому что она вегетарианка – причем исключительно из-за любви к животным, уточнила она.

– Как я вас понимаю! Я так люблю папу, что тоже никогда его не пыталась съесть. Некоторые, правда, частенько нарушают диету.

– У меня есть мысль, – изрек Джош.

– Всего одна? – съязвил Сэм.

Джош повернулся к Амелии и заговорил, обращаясь только к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.